

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 45

1989

*Владимир
ШАХИДЖАНЫАН*

**МНЕ ИНТЕРЕСНЫ
ВСЕ ЛЮДИ**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

Б И Б Л И О Т Е К А « О Г О Н Е К » № 45

Издается с января 1925 года

Владимир ШАХИДЖАНЯН

МНЕ ИНТЕРЕСНЫ ВСЕ ЛЮДИ

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Владимир ШАХИДЖАНЯН

Владимир Владимирович Шахиджанян родился в 1940 году в Ленинграде. С 1964 года живет в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Публиковался в журналах «Огонек», «Работница», «Смена», «Журналист», занимался исследованием циркового искусства, около семи лет работал вместе с Ю. В. Никулиным над книгой «Почти серьезно...».

Более десяти лет преподает на факультете журналистики МГУ, ведет творческие студии молодых журналистов в журнале «Студенческий меридиан» и еженедельнике «Неделя». Член Союза журналистов СССР.

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

*Штрихи к портрету народного артиста СССР
Олега Табакова
с тремя монологами артиста, интермедиями,
одной массовой сценой, прологом и эпилогом*

ПРОЛОГ

Время действия — несколько лет назад. Кабинет значительного Лица. Стол с десятком телефонных аппаратов. Значительное Лицо, делая это уверенно, привычно, с достоинством, подписывает бумаги. Он внимательно каждый раз рассматривает свою подпись. Такое впечатление, что человек не подпись поставил, а совершил огромную творческую работу.

Робко покашливая, входит секретарша.

Секретарша. Там Табаков звонит... Соединять?

Значительное Лицо. Какой Табаков?

Секретарша (чуть восторженно). Артист! В кино играет... «Гори, гори, моя звезда», «Молодо-зелено»... Ну, еще «Шумный день», «Москва слезам не верит». В театре «Современник» работает.

Значительное Лицо. А-а... Как же... Знаю... Что хочет?

Секретарша. Не знаю. Не спросила. Извините.

Значительное Лицо (выдержав паузу). Ну-у... Пожалуй... (Пауза еще длиннее.) Соедини...

Секретарша уходит. Значительное Лицо берет телефонную трубку.

Значительное Лицо. Да... Нет! Это вопрос к Министерству культуры, а не ко мне. Мы театры не открываем. Да... Нет! Обращайтесь в Моссовет. Та-ак... Как же я буду звонить и просить их? Этим занимаются финансовые органы. Прописка? Молодым? А мы при чем тут? (Долго слушает.) С этим надо подождать. Простите, запомнил имя-отчество... Олег Палыч! Ты меня пойми правильно, это все, понимаешь ли, не к нам. Понял? Ну, давай. (Звонком вызывает секретаршу в кабинет. Входит секретарша.) Будет звонить этот... Табаков (с ус-

мешкой), который Шелленберга играл... Так вот, отправляя его к заместителю!

Факультет журналистики МГУ. Идет занятие.

Вдумчиво-восторженный студент в очках (явно будущий критик): У нас было задание написать об Олеге Табакове, который был у нас на учебной пресс-конференции. Вот мой этюд. Я прочту.

«Олег Палыч Табаков не из самых скромных людей. Слава и популярность, а также внимание аудитории забавляют его и доставляют ему радость. Он носит маску, иногда потолще, иногда потоньше, не забывая часто ее менять. За несколько часов нашего знакомства он изобразил множество сценок, поговорил голосом десятка разных персонажей. Чувствовать себя в хорошей форме, ежеминутно придумывать заготовки и пробовать их на язык — для него наслаждение. Первым словам Табакова: «Я человек легкомысленный и буду отвечать на ваши вопросы легкомысленно», — верить не стоит. При всем стремлении быть комичным, у него цепкие и серьезные глаза трагика. Что бы он ни делал, эти глаза внимательно наблюдают за вами, и, по-видимому, безрезультатно. Табаков предугадывает вопросы. Ход беседы ясен для него заранее.

В нем есть что-то американское. Приятное, мило-развязное. Он вхож в любую компанию и в каждой будет как рыба в воде. Я одинаково представляю Табакова и в пиджачке Мосшвейпошвива, и во фраке с белым цветком в петлице. Но над всей способностью нравиться и перевоплощаться — глубокая интеллигентность. Как режиссер и педагог, он старается разбудить, воспитать эти качества в окружающих его людях. Когда-то давно, пригласив в студию девочек и мальчиков возраста если не октябрятского, то еле-еле пионерского, он сказал: «Я хочу видеть их интеллигентами. А только потом профессионалами, актерами, режиссерами, гениями». Ничем иным, пожалуй, не объяснишь, а для особенно рьяных почитателей Табакова — не оправдаешь его желание сосредоточиться, отодвигая на второй план кино, театр, режиссуру, на театре «двадцатилетних», в котором молодые играют для молодых. Есть ли будущее за таким театром? Сомневаюсь, чтобы Олег Павлович знал твердый ответ. Известность важна для него в смысле прикладном (множество мелочей и дурацких бюрократических неурядиц уничтожает). Но размышлять о сохранении имени в грядущих веках — это не для него. Он, мне кажется, счастлив тем, что может давать сегодня и сейчас.

Судьба Табакова — взламывать потолки. Он в узких рамках работать не может и не хочет. Ему нужен простор и постоянное движение: вбок, вперед, в сторону, лишь бы не назад. В таком случае он своего добьется. И это все назовут блестящим».

Дружный гул студентов. Кто-то крикнул: «Молодец, Дима!».

Преподаватель: Хорошо. Продолжаем занятие.

МОНОЛОГ ПЕРВЫЙ

О себе.

Мне уже за пятьдесят. Женат, у меня двое детей. Кроме актерской профессии занимаюсь театральной педагогикой, преподавал в нашей стране и за ее пределами. С недавних пор — ректор Школы-студии МХАТа.

В театре я с 1956 года. Будучи студентом третьего курса Школы-студии МХАТа, принимал участие в организации театра «Современник». Наш вождь, учитель и вдохновитель, организатор всех наших побед — Олег Николаевич Ефремов — объединил нас, молодых артистов. Это событие считаю счастливым, ибо оно наполнило смыслом мою заливчатскую жизнь успешного молодого человека, приехавшего из провинции (я саратовский мужичок) завоевывать столицу. Каким я себя видел?

Это было сразу после XX съезда партии. Был снят «железный занавес». В Москву приехал театр «Комеди Франсез». Они давали спектакль «Сид» Корнеля. В одной из сцен актер Андре Фалькон спускался по белой лестнице, идущей откуда-то из-под колосников до самой авансцены. На нем — блестящий красный колет, ботфорты, бархатный плащ, огромная широкополая шляпа, которую он на протяжении своего сошествия медленно снимал. Когда он все-таки снял эту шляпу, женщины, сидевшие в зрительном зале, устроили овацию. «Если б такое, — подумал я, — совершилось в моей жизни!..» Вот о чем я мечтал.

Это было время знаменательное. Было много удивительных публикаций в газетах, журналах, и они переворачивали мое представление о времени, правде...

После войны у отца была другая семья. Мама всю жизнь работала, чтобы как-то нас с сестренкой поднять. Мама была красивой женщиной. За ней ухаживал один архитектор. Он слушал «Голос Америки» и читал кое-что из того, что читать в то время не полагалось. За это его потом... с пристрастием допрашивали. Помню: мне 14 лет, я провожаю маму с одной работы на другую. Мама (она была врач-рентгенолог) работала на трех ставках — в областном кожвендиспансере, поликлинике облпарт-актива и поликлинике ГБ. И вот встречаю ее около одной из поликлиник, идем мы вместе примерно два километра (это такая традиция была — вместе гулять), идем и вдруг сзади слышим шепот: «Не оборачивайтесь. Идите. Я вам буду говорить, а вы слушайте...». Я ребенок, не владел еще собой и, естественно, обернулся, а это была мать архитектора, который ухаживал за моей мамой. Так мы и шли. Она рассказывала, как арестовали ее сына, какие применяют методы следствия, чтобы он назвал имя моей матери, как из него выцарапывали «добровольное признание», чего он, кстати говоря, не сделал.

Я был в Саратове мальчиком заметным. Выступал на олимпиадах, в самодеятельности играл. Самый большой театральный успех того времени связан со смертью Сталина. Это было 9 марта 1953 года, в день похорон Сталина, в Саратовском театре оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского. Мы с Ниной Бондаренко, моей ровесницей, чита-

ли — и хорошо читали! — минут на сорок литературный монтаж. Атмосфера жуткая: слезы, истерики, обмороки... Кое о каких вещах того времени если и не знал, то догадывался.

Как теперь понимаю, в определенном смысле я совершал безнравственность. Кое о каких вещах того времени если и не знал, то догадывался. Но ведь была душа, алчущая успеха! Да и стихи чьи! Александра Твардовского, Маргариты Алигер, Константина Симонова...

В десятом классе я попытался (усмехается) организовать тайное общество. Культ личности семьи моей не коснулся, впрямую никто не пострадал. Но Сталин был мой идейный враг. Из шести моих друзей в общество вошел только один Юрий Гольдман. Учитель физкультуры, он же секретарь партийной организации школы, в которой я учился, однажды выявил наше состоявшее из двух человек общество, подслушав наш разговор. Хорошо, что выявил после 1953 года. Случись это раньше — кто знает, как сложилась бы моя судьба? Помню, как этот учитель кричал: «Ну разве эту пакость мог выдумать талантливый русский мальчик Олег Табаков? Это же, конечно, придумал еврей Юрий Гольдман!».

Теперь-то я понимаю многое, наверное, понимаю... В партию вступил в 1964 году.

Любовь к Родине — высокое чувство. Но есть не менее высокое чувство — любовь к Истине. Так уж на этой земле повелось. Начиная с Радичева, Чаадаева, Герцена...

Русский интеллигент — это человек, способный болеть душой за судьбы других людей. Это, если угодно, персональная голгофа для каждого, кто готов себя судить по высшему суду. Суду собственной совести.

Есть хорошее высказывание: «Относитесь к поступкам других так, будто вам осталось жить один день. Сами поступайте так, как будто вам жить еще век». Вот бы это сделать правилом... Правилом для всех! Без исключения!

Театр-студия по руководством Олега Табакова на улице Чаплыгина, дом 1. Полутемная сцена. Маленький зал едва освещен.

Первый студент: А успеем подготовиться?

Второй студент: Успеем-то успеем... Он предупредил, что сегодня задержится — ему, оказывается, в министерстве вручают диплом профессора.

Первый студент: Хорошо быть Табаковым!.. Все узнают, автографы, слова...

Второй студент: Знаешь, я думаю, он не понимает, кто он такой. Он параноик. Слышал, он дочери выговор объявил, премии ее лишил? Все думают: хорошо иметь такого отца. А я ей сочувствую. Она не сама по себе — за ней всегда он. Хотя и работает у нас в театре.

Первый студент: Представляешь, будет у нас свой, настоящий театр. С первого этажа выселят жильцов, зал расширят. В один прекрасный день кто-нибудь из кинорежиссеров нас заметит и пригласит сниматься в кино. Мастер отпустит. Он сам начал сниматься раньше, чем работать в театре. Я недавно смотрел его первый фильм «Саша вступает

в жизнь». Думал — чернуха, а было интересно. Он там моложе, чем мы с тобой. И главное — какая роль!

Второй студент: Слушай, как мне быть? Я Мастеру должен 20 рублей... Придет — неудобно будет. Может, ты скажешь, что я заболел или родственников встречаю, а?..

Первый студент: Хм... Заболел... Тогда я умер — я должен полста! Где достать денег?..

Второй студент: Вот в чем вопрос...

(Энергично входит Олег Табаков. Видит растерянные лица студентов.)

Табаков: Та-ак! Слышал я, что вас опять за академическую неуспеваемость стипендии лишили? Это, братцы, негоже... Мы же договорились: актер должен быть человеком интеллигентным, воспитанным и — подчеркиваю! — образованным. Иметь тройки по литературе, не говоря уже о «хвостах» по другим предметам, право, стыдно. (Достает бумажник.) Все понимаю... Думаю, вам до стипендии хватит по двадцати пяти рублей? А теперь идите, готовьте сцену для репетиций, идите.

МОНОЛОГ ВТОРОЙ

О театре

Я мечтаю, чтобы настало время, когда культурой будут руководить люди уровня Анатолия Васильевича Луначарского. Театром должны заниматься компетентные люди! Мы можем по-разному оценивать деятельность Екатерины Алексеевны Фурцевой, но к концу дней своих, руководя министерством культуры СССР, она была человеком, влюбленным в искусство. Понимала и любила театр.

Мы довели театр — говорю об этом со всей откровенностью и полной ответственностью за слова — «до ручки». Довели лживыми пьесами, спектаклями-подделками, конъюнктурными произведениями. Пора сказать: «Не могу больше, не могу! Стыдно!!». Должен быть гнев, обращенный вовнутрь. Говорят: закрывайте плохие театры. Не закрывать надо театры, а делать хорошими. Тогда и люди туда пойдут. Если мы закроем 150 скверных театров, разве в оставшихся начнут играть лучше? Нет. Как играли плохо, так и будут продолжать. Мало того, уверен, нужно открывать новые театры.

Нам в Москве легче. А каково в провинции? Как-то на секретариате Союза театральных деятелей РСФСР рассматривали вопрос о Брянском и Ивановском театрах. Это же черный юмор, гиньоль какой-то! В Брянске дирекция изничтожила шестерых главных режиссеров. Материальной базы — никакой. В Иванове театр построили на 1700 мест. В одном помещении — театр музыкальной комедии, театр драмы, театр кукол... Драматическому театру достался зал, предназначенный филар-

монии. Кулис нет, колосники отсутствуют; как играть, как репетировать?

Театр в большей степени, чем живопись, литература, музыка, зависит от сегодняшней конкретной ситуации. Нет, не зря Ленин, отделив церковь от государства, предлагал некоторые функции церкви передать театру. Театр — это организм, который должен регулярно рождать, а когда роды прекращаются — нет спектаклей, нет зрителей — все в театре атрофируется.

Как возник «Современник»? Это были надежды 1956 года... Мы жили «спинами вовнутрь». Мы были побуждаемы Олегом Ефремовым и уставом нашей студии говорить о происходящем правду. В литературе вместе с нами начинали жизнь Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Юрий Казаков, Роберт Рождественский. В кинематографе — Александр Алов и Владимир Наумов, Георгий Данелия, Отар Иоселиани, Марлен Хуциев, Кира Муратова, ставшая только сегодня знаменитой... «Современник» родился вслед за решениями XX съезда партии. Мы знали, как нам тогда казалось, чего мы хотели. Мы знаем, чего мы хотим добиться: изменения отношения к театру.

Сегодня даже в Москве, если говорить о театре, положение, на мой взгляд, нищенское.

В 1931 году сколько было театров? Шестьдесят девять. А в 1920-м? Сто восемнадцать. А сегодня в Москве сорок театров! И это при девяти миллионах жителей и более двух миллионов приезжих...

До недавнего времени считалось, что в столице только один главный режиссер до сорока лет — Яшин. Но и он перевалил этот рубеж.

Театр не поспевает за временем. А ведь театр — общественный институт. Сегодня житье трудно всем. Пожалуй, труднее всего — это мое личное мнение — пристанищу моей юности — «Современнику». Да-да, театр, повторюсь, — общественный институт, «кафедра, с которой...». Но актер — об этом нельзя забывать — не лектор.

Думай я иначе, давно бы плюнул на все и занялся другим делом. И легче жилось бы. И уважали бы больше. Но театр бросить не могу. Не могу. Я, как жук, привязанный к спичечной коробке, иду к студентам, иду в свой театр, и во МХАТ, и на Чаплыгина, иду, как на сладкую каторгу.

Я не желаю участвовать во лжи. Был момент, когда я сказал себе — красиво жить не запретишь, но и по совести тоже жить не запретишь. Как я к этому пришел? У каждого человека в жизни наступает момент, когда идет переоценка ценностей. Мне не исполнилось еще и тридцати, когда я попал с инфарктом в больницу. Определили в палату на двоих. Лежим, болеем, лечимся. И мой сосед умирает. На его место привезли другого. Каждый день приходила к нему жена и плакала. Плакала в понедельник, вторник, среду. А в пятницу он умер. Сорок дней я лежал на спине в палате один и смотрел в потолок. Выживу или нет? Я представил себя на месте тех, кто был рядом со мной в палате. Вышел из больницы и понял: я изменился. Я вынужден был делать вы-

бор, я решил для себя, как жить дальше. И решил: ради денег больше не работаю. Все! Только тогда, в больнице, я понял всю глубину слов Льва Толстого: «Назначение искусства — помогать людям полюбить жизнь». Большого чуда, чем наша с вами жизнь, не будет.

Выживет ли театр? Выживет. Если отнестись к единице сопротивляемости с мерой «один табак» — это я так, в шутку, — то эта сопротивляемость у театра достаточно высокая. «Над вымыслом слезами обольюсь» — гениальная пушкинская формула, которую никто не опроверг и не сумеет опровергнуть.

Трудно ли мне было? Еще как... Мечтал открыть театр со студентами при «Современнике» — категорический отказ. Отказали-то свои же. Пошел в ЦТСА — спокойный отказ. Думал открыть студию при Московском гастрольном театре — не получилось. Решил сделать театр в Подольске, благо от Москвы близко — и там перекрыли кислород. Поехал в Брянск, от Москвы подальше, — дай, думаю, там попробую. То, что увидел, привело в ужас. Обращался тогда к В. В. Гришину: помогите, поддержите. Холодный отказ. Друзья мне тогда говорили: «Ой, Олег, ты увлекающийся человек! Сейчас этого хочешь, потом захочешь другого... Ну что тебе надо?». Тогда я, пожалуй, единственный раз пожалел, что в свое время добровольно ушел с поста директора «Современника». Останься директором в «Современнике», студию бы открыли.

Фойе театра-студии под руководством Олега Табакова. Встречаются две критикессы.

Женщина лет пятидесяти: Кошечка! Я так рада тебя видеть! Читала тебя в «Театре». Ты умница, просто умница! Толя Васильев — душа! Эти поганцы его давят. Ты им врезала. Молодец! Наших надо отстаивать.

Женщина лет шестидесяти: Душенька! А я читала тебя в «Неделе». Как хорошо, как хорошо ты написала про молодежные театры! Емко, остро, умно!.. И главное — продолжаешь мою линию. А что нового у Олега?

Женщина лет пятидесяти: У Табакова? Лелик — как всегда! Ты помнишь, как много лет назад он ходил с огромным рыжим портфелем, мальчик с тоненькой шейкой, большой головой, худенькие плечи... И то очаровательное детское выражение лица!..

Женщина лет шестидесяти: Помню... Мы все его называли Лелик. Так его звала мама в детстве. Помню, как он бегал по начальству, собирал документы... Помню, как играл в «Поисках радости», роль Олега Савина — это был блеск! В общезитии, где он жил, всегда смеялись, когда он что-то рассказывал. В поисках радости!.. Неужели он серьезно ее ищет? Я писала о нем, о его киноролях. «Шумный день», «Чистое небо»... Мог быть великим актером! Разбрасывается... Ну, чего ему не хватает?..

Женщина лет пятидесяти: Я так переживала его разрыв с Олегом Ефремовым! Подумать только: полтора года — и даже не разговаривали!

Любить и не разговаривать... Как замечательно, что он вернулся к нему. Правда, во МХАТ, но вернулся!.. А режиссура — это не его. Как он это-го не понимает?

(Третий звонок. Входит администратор.)

Администратор: Прошу в зал. Начинаем.

МОНОЛОГ ТРЕТИЙ

О дне нынешнем

Сколько суждено жить нашему театру на Чапыгина? Не исключено, лет через семь-восемь придется искать новый подвал. Как сделать, чтобы театр естественно рождался и столь же естественно умирал? Как сделать, чтобы театр не имитировал свою вечную молодость, не занимался бы дешевым макияжем? Как сделать, чтобы театр не блефовал, выдавая себя за кого-то другого?

Владимир Немирович-Данченко, Генрик Ибсен считали: век театра — двадцать лет. Да, за это время поколение вырабатывает жизненные силы, начинает канонизировать себя.

Трудно нам. Но я счастливый человек. Мы в нашем театре играем свой репертуар. Первыми в Москве поставили «Полоумного Журдена» М. Булгакова, «Две стрелы» Александра Володина. В планах Александр Галин, «Дыра». Любопытная пьеса! Удивительное действие происходит в годы застоя в одном прекрасном по своей затерянности маленьком городке. Провожая своего председателя исполкома в санаторий, гуляет в ресторане верхушка города. Отгуляли, проводили. А тут прибегают с телеграммой из облисполкома: «Срочно заготовить двести бочек воробьев». Два акта заготавливают двести бочек воробьев. А потом оказывается: телеграмма прочтена неверно. Полагалось читать: «Срочно заготовить двести бочек». И подпись: «Воробьев». Вот такая пьеса.

Будем ставить Александра Володина «Дневники королевы Оливии». В планах — Александр Вампилов, в творчество которого я влюблен. Одна из моих самых больших актерских радостей — его «Провинциальные анекдоты». А еще «Бесы» Достоевского, и, возможно, поставим пьесу Александра Гельмана о ребятах, проходящих службу в армии, и о том, как человек не может прыгнуть через «козла» и что из этого получается.

Я начинал учить ребят, рассчитывая играть вместе с ними. Я готовил их для себя. Мои ученики — это вроде бы как дети. В этом смысле честолюбиво рассчитываю повториться — шаг в бессмертие хотелось бы сделать! — в своих учениках.

Сегодня у нас большие перемены, одним словом, перестройка. Да, есть свобода творчества, мысли. А что с ней делать? Как пользоваться? У нас большая, по-моему, степень неготовности к ней. Могу добавить:

и большая степень растерянности. И валить вроде больше не на кого: вот, мол, мешают, запрещают, не пуcaют... Но и до перестройки были люди, нормально жившие, нормально, по совести, работавшие. Ну как не вспомнить здесь друга моей комсомольской юности — как красиво я заговорил! — Сергея Купреева, он работал тогда первым секретарем Бауманского райкома партии столицы и очень помогал нам. Сейчас он — проректор академии МВД. Легче ли мне сегодня, когда началась перестройка, работать? Легче. Хотя не могу быть обиженным на судьбу, на отсутствие внимания в прошлом.

В 30 лет я уже имел орден, медаль, звание лауреата Государственной премии, звание заслуженного артиста РСФСР и лауреата премии Московского комсомола. Немало. Вступая в партию, я понимал — это моя партия, и я думаю, как сделать ее лучше. С такими мыслями вступал. Так же думаю и сегодня.

Как сделать, чтобы кто-то из моих ребят, спустя еще двадцать лет, захотел создать свой театр? Как сделать то, что мы называем перестройкой, процессом необратимым?

Знаю твердо: если я хочу оставить жизнь детям моим и ученикам несколько лучше, нежели она была при мне, то должен, обязан броситься в это дело очертя голову. Это мой шанс... Может быть, последний в жизни.

Рискую ли я, все время начиная что-то новое? Да, рискую. Но, пожалуй, не было у нас более благородного дела, чем этот риск.

На сцену входит группа студентов факультета журналистики МГУ.

Уже знакомый нам вдумчиво-восторженный студент в очках (явно будущий критик): Олег Павлович, мы признательны вам за приглашение, за возможность побывать в вашем театре и одновременно... не согласились бы вы уделить нам сейчас время для блиц-интервью?

Табаков: Я же выступал у вас на факультете? Потом вы были у меня в Школе-студии МХАТа, мы три часа общались (**внимательно рассматривает лица студентов**). Неужели есть еще вопросы?

Вдумчиво-восторженный студент в очках: Все правильно, Олег Павлович. И все-таки, пожалуйста, если можно. Нам нужно уточнить кое-какие детали. Это, право, займет у вас совсем немного времени.

Табаков: К студентам у меня отношение особое. Давайте!

Вопрос: Как вы относитесь к комплексу неполноценности?

Ответ: Не надо страдать. Надо работать, действовать, искать, пробовать. У меня нет комплекса неполноценности. Наоборот. У меня комплекс полноценности.

Вопрос: Как вы относитесь к творчеству своего сына?

Ответ: Спокойно. Трезво. Всегда радуюсь его успехам — кто из родителей этого не хочет?

У меня еще и дочь есть. Я совершил безнравственный поступок и взял ее в свой театр. Но наряду с моей безнравственностью, у нее есть свои собственные способности.

Вопрос: Что вас не устраивает в молодых?

Ответ: Наличие нескольких моралей. Одна — для школы, для института, для комсомольской организации. Вторая — для семьи, для быта. Третья — реальная мораль — для подъезда, где молодежь общается, формируя свои жизненные принципы и вкусы.

Вопрос: Как вы считаете, что-нибудь сейчас меняется в системе подготовки творческих кадров?

Ответ: Меняется. По крайней мере, у нас, в Школе-студии МХАТа. Да и у вас, на факультете журналистики, насколько я знаю, меняется многое. Год, как я работаю ректором, и кое-что сделал. Пригласил преподавать Александра Калягина, Лилию Толмачеву. Привел талантливых молодых артистов МХАТа. Я хочу продолжать приглашать людей, которые своей вечерней практикой на сцене подтвердят правомочность требований, выдвигаемых ими утром на занятиях в Школе-студии.

Мы вспоминаем учителя, когда имя ученика его на небосклоне всходит яркой звездой. А вспоминаем ли мы имя учителя, когда ученик его, разочаровавшись в профессии, не найдя себя, бросается из окна? Я убежден: если твой ученик средствами своей профессии не сможет зарабатывать себе на хлеб — не подписывай ему диплом! Здесь мягкотелость губительна.

Вопрос: Верно ли, что вы были врагами с Олегом Ефремовым?

Ответ: Врагами мы не были. Когда создавали «Современник» — во многое заслуга принадлежит ему, хотя и не только ему, но еще и Времени, мы были единомышленниками. С его переходом во МХАТ и с моим отказом вслед за ним идти... Да, было такое — полтора года не разговаривали.

Вопрос: Кто ваш учитель?

Ответ: Василий Осипович Топорков. Удивительных качеств человек! Прекрасный педагог и фантастических свойств актер. Н. И. Сухов ставила меня в драмкружке в Саратове.

Вопрос: Что вы не прощаете своим ученикам?

Ответ: Хамство и предательство. Глупость прощаю, а подлость — нет.

Вопрос: Что вы больше всего цените в артистах?

Ответ: Талант.

Вопрос: Что вы больше всего цените в человеке?

Ответ: Порядочность, достоинство, интеллигентность. Интеллигентность предполагает прежде всего умение вставать на точку зрения другого человека, оппонента, и, конечно, сострадание к слабому.

Вопрос: Что в вашей жизни сейчас важнее: Школа-студия МХАТа или ваш театр?

Ответ: У меня двое детей, и я не знаю, кого люблю больше. Во вся-

ком случае, знаю: ради Школы-студии и своего театра я вынужден поспутиться своими актерскими интересами.

Вопрос: Ваше отношение к начинающим в искусстве?

Ответ: Самуил Маршак метко заметил в четырехстрочном стихотворении «Начинающему поэту». Запомните его: «Мой друг, зачем о молодости лет ты объявляешь публике читающей? Тот, кто еще не начал,— не поэт, а тот, кто начал — уж не начинающий!». Добавлю к этому: молодость не есть некая индугенция отсутствия качества работ.

Вопрос: Как вы относитесь к фильму «Семнадцать мгновений весны»?

Ответ: Он принес мне определенный успех в области взаимоотношений со сферой обслуживания и торговлей.

Вопрос: Вы совсем перестали сниматься в кино?

Ответ: Не успеваю.

Вопрос: Ваше отношение к популярности?

Ответ: Спокойное. Популярность, это я уже говорил — помогает в быту и во взаимоотношениях с начальством в министерствах и ведомствах.

Вдумчиво-восторженный студент в очках: Олег Павлович, вы посмотрели на часы — торопитесь. Тогда последний вопрос: вы огорчены нашими наивными вопросами?

Ответ: Нет. Я с интересом разглядывал вас. Что такое профессия актера, режиссера, да и журналиста тоже? Это, по сути дела, изучение жизни. Вот вы думаете, я вам рассказывал и бессмысленно провел с вами время. Нет... Я кого-то из вас запомнил. Это всегда откладывается. Поэтому хожу на вокзалы, на рынок хожу, в баню. Там человек, как говорится, самый что ни на есть голый. А голый человек, кем бы он ни был, всегда расскажет о себе. Что моя работа? Это моя жизнь и моя эмоциональная память. Для писателя, журналиста — записные книжки, для художника — наброски, для композитора — этюды, а для меня — это жизнь. Это и есть моя профессия. Поиски радости.

ЭПИЛОГ

Кабинет Значительного Лица. Прошло несколько лет. Время действия — 1986 год. Входит секретарша.

Секретарша: Табаков звонит. Вас соединить?

Значительное Лицо: Конечно! (С готовностью берет трубку.) Слушаю вас, Олег... Павлович! Да-да, обязательно постараюсь помочь. Непременно! Мы — за новые театры. Молодых надо поддерживать. Что у вас еще, не стесняйтесь. Да... Эт-то труднова-ато... (Задумывается.) Но я свяжусь с министерством культуры и дня через три дам вам ответ. Та-ак... Да-да. А зачем откладывать? Вы минутку подождите, я сейчас узнаю. (Берет трубку другого телефона. Быстро набирает номер.) Слушай, мне звонит тут артист, Табаков Олег Павлович. Ректор Шко-

лы-студии МХАТа, во МХАТе прекрасно играет. «Обломова» ты его видел, «Каштанку»... Прекрасный артист, замечательный человек. Я его давно знаю. Он никак не может к тебе прийти? Когда? Подожди минутку, сможет ли он. **(Берет первую трубку.)** Дорогой Олег Павлович, послезавтра, в 14.00 вам удобно? Одну секунду **(Берет снова вторую трубку.)** В 14.00 послезавтра он у тебя. И ты мне потом позвони, сообщи о своем решении. **(Кладет трубку. Продолжает разговор с Табаковым.)** Какие еще будут вопросы? Хорошо, поможем. Та-ак, поддержим. Сделаем. У меня к тебе, Олег Павлович, какая будет просьба... Ты запиши мой прямой телефон, а то зачем же через секретаршу... Запиши, диктую... **(Занавес.)**

*Монологи Олега Табакова принадлежат О. Табакову.
В интермедиях и массовых сценах были заняты студенты факультета журналистики МГУ.*

ЛЕОНИД ЕНГИБАРОВ

Марина Влади со слов Владимира Высоцкого в своей книге о нем рассказывает о смерти Леонида Енгибарова. Будто бы он упал на улице, мимо проходили люди, считая, что валяется пьяный. Никто не вызывал «скорой помощи».

На самом деле все было иначе.

В 1973 году я сделал материал о Леониде Енгибарове. Материал назывался «Как важно быть серьезным». Я решил перепечатать эту публикацию, оставив все как было, но дать к нему своеобразное послесловие.

* * *

Ротационные машины печатали лист за листом 9-й том Большой Советской Энциклопедии. В этот том — впервые в энциклопедии — была включена заметка о Леониде Енгибарове, в которой приводились основные факты биографии артиста: родился в 1935 году, окончил Государственное училище циркового и эстрадного искусства в 1959 году, на пражском конкурсе клоунов в 1964 году был признан лучшим клоуном Европы. В 1971 году был удостоен звания народного артиста Армянской ССР.

Лист за листом печатали ротационные машины 25 июля 1972 года 9-й том. Леонид Енгибаров входил в энциклопедию...

Именно 25 июля 1972 года, именно в этот день, вечером, Леонид Енгибаров крикнул: «Мама, у меня все горит в груди, помоги мне!». Через 4 часа он умер...

Эта беседа состоялась за месяц до его смерти. Я решил не менять

в ней ни одного слова. Хотя, конечно, теперь по-другому смотришь на свои же вопросы, иначе понимаешь смысл ответов, жалеешь о том, что не спросил еще о многом.

* * *

Лауреат международных конкурсов, народный артист Армянской ССР, клоун, пантомимист, способный рассмешить миллионы телезрителей, артист, который ежевечерне, а в воскресные и праздничные дни трижды в день заставлял смеяться зрителей, пришедших на представления в Московский, Ленинградский, Ереванский, Минский, Пражский, Варшавский цирки (их можно перечислять слишком долго), — каков он, этот человек?

Я знаю — теперь уже знал — его 13 лет, смотрел первое выступление Енгибарова на арене учебного цирка, в зале, вмещающем не более двухсот зрителей. И был свидетелем его триумфа на московском стадионе в Лужниках, когда ему аплодировали десятки тысяч человек одновременно.

Мне довелось видеть Леонида Енгибарова упоенным успехом, раздающим автографы почитателям и буквально через полчаса после этого расстроенным и злым, когда ни один человек не мог заставить его сказать хоть слово. Но интереснее всего было наблюдать Леонида за несколько секунд до выхода на арену. Тогда он до неузнаваемости преображался на глазах. А вечером усталое шел пешком, всегда пешком, в дом, где его ждала мать.

Мне кажется, я знаю его хорошо. Но написать о нем так, чтобы его узнали и вы, трудно. Трудно, ибо нужно было иметь счастье видеть Леонида Енгибарова в работе, успевающего делать двадцать дел: писать новеллы, договариваться о встрече со зрителями, готовить новые пантомимы, заниматься разработкой реквизита и костюмов для очередного спектакля, хлопотать за молодого артиста, доставать только что вышедшие книги, спешить на просмотр в цирковое училище, сниматься в фильме, записываться на телевидении или на радио, и так далее, и так далее...

И я решил: пусть Леонид Енгибаров сам расскажет о Леониде Енгибаре. А я ставлю себя в положение человека, не знающего этого артиста, что позволит порой задавать ему вопросы, ответы на которые мне хорошо известны.

О клоунах сказано немало. Грустный клоун предстает перед нами в рассказах Куприна, нервный клоун — в романе Генриха Белля, странный клоун — в кинопроизведениях Феллини.

А каков Леонид Енгибаров?

— Как возникло у вас желание смешить людей? Почему не избрали для себя более распространенной профессии?

— Если бы я вас не знал, то обиделся бы, услышав такой вопрос. В нем какое-то пренебрежение к моей профессии, подтекст: мол, ничего путного не вышло, так в клоуны подался. Но постараюсь ответить

серьезно, тем более что мне нередко задают вопросы именно в такой форме.

Рассказ о себе всегда надо начинать с родителей. Это только в анкетах о родителях сообщают в последнюю очередь. А ведь в реальной жизни мы им обязаны всем.

Мои отец и мать никакого отношения к искусству не имели. Отец был знаменитым поваром. В последние годы он работал в ресторанах «Армения» и «Метрополь». А мама у меня портниха, сейчас на пенсии. Тем не менее мой старший брат, Михаил, хорошо рисует, средний, Рачия, известный театральный режиссер, писатель, председатель Армянского театрального общества. А младший, то есть я, до сих пор не может определить, кто он.

— То есть как «не может определить»?

— Очень просто. Я похож на Тома Сойера: мне всегда нравится то, чем занимаются другие.

В юношестве нравился спорт. Я увлекся боксом, стал мастером спорта. Потом заразился цирком... Мне кажется, что человек всегда мечтает добиться именно того, чего у него нет. Недаром говорят, что каждый комик мечтает сыграть Гамлета. Когда я был маленьким, я отличался от всех в семье полным отсутствием чувства юмора, что, наверное, сказало при выборе учебного заведения после окончания школы — училища циркового и эстрадного искусства. Это, как считали мои сверстники, было не смешно. Но после долгих размышлений я решил, что это именно для меня. Что привлекало? Может быть, надежда развить чувство юмора. А если серьезнее — почти безграничные возможности цирка. Я стал клоуном. Но вот тогда-то мне захотелось сниматься в кино. Я снялся в шести картинах. Потом пришла другая страсть — начал писать. Более пятидесяти рассказов опубликовал. Не так давно в Армении вышла моя книжка, моя первая книжка — перевод с русского на армянский. Я только что получил сигнальный экземпляр нового сборника рассказов — «Первый раунд», уже на русском языке. Пишу я на русском, ибо родился и вырос в Москве, в Марьиной роще. Отец у меня армянин, а мама русская. И дома на армянском языке отец говорил только с гостями из Еревана и с родственниками. В свое время я серьезно занялся армянским и научился на этом языке объясняться в любви, ругаться и с трудом читать рецензии на мои выступления в армянских газетах.

Казалось бы, все желания исполнились, но нет, теперь я мечтаю о театре. О театре, где я смог бы сыграть Хлестакова. Мне говорят, что я стар для Хлестакова. Тогда выдвигаю другое предложение: дайте роль Сирано в пьесе Ростана. Мне кажется, я сыграю эту роль. Никто не отвечает мне отказом, однако и не говорит «да». Но я уверен, что и это будет. Я счастливый человек — исполняются все мои желания, рано или поздно, но исполняются.

Сейчас я занят, как мне думается, самым главным делом своей жизни. Вместе с режиссером и моим другом Юрием Беловым по моему

сценарию мы создали спектакль «Причуды клоуна». Спектакль этот — начало нового коллектива. Уже готовы сценарии следующих представлений — «О смешном и грустном», «Поэт».

— Значит, вы насовсем ушли из цирка? Чем это вызвано?

— Дело в том, что клоун призван заполнять паузы. В цирке выступают акробаты, жонглеры, иллюзионисты, гимнасты, турнисты, а клоун, что ни говорите, только заполняет пустоты между номерами, его задача — сделать незаметными для зрителей смену ковра на манеже, вынос и перестановку аппаратуры, элементов бутафории, а также дать разрядку после выступления тех или иных артистов.

Мне не раз говорили, одни — констатируя, другие — злясь, третьи — возмущаясь, что когда я работаю на арене, то это становится чуть ли не главным в программе. Говорили, что так нельзя, не принято, не годится... С одной стороны, меня это радовало. Выходит, я не просто заполнитель пауз, а артист со своей ролью, развивающейся от репризы к репризе, со своим характером, образом? Однако я не мог не соглашаться и с критикой. И выход из этого положения я вижу именно в создании своего театра с моноспектаклями, где останутся мои репризы, клоунады, где появится масса новых трюков, но где все будет объединено одной идеей. Но цирк я по-прежнему люблю. И когда меня приглашают на манеж, я с радостью принимаю это предложение.

— Некоторые объясняют ваше стремление создать свой театр тем, что вы ищете славы.

— Ищу? Нет, это неверно. Но чтобы мне не пришлось вдаваться в долгий спор с «некоторыми», не согласитесь ли вы слегка изменить вопрос? Ну, скажем, спросите меня, как я отношусь к славе.

— Так как вы относитесь к славе?

— Для начала я укроюсь за спину Цицерона, который сказал: «Так как слава только отражение добродетели, неразлучный путник великих дел, то честные люди не должны презрительно к ней относиться» Кстати, он же сказал: «Даже те философы, которые писали трактаты против славы, не забывали ставить свое имя в заголовке своей книги».

Быть первым в чем-то — это великолепно. И потому, я думаю, каждый человек должен стремиться к этому. Слава не только свидетельство заслуг, одновременно она означает, что заслуги эти признаются многими. Слава нужна спортсмену, слава нужна слесарю, врачу и, конечно, артисту. Она все время напоминает, что завтра нужно работать лучше, чем вчера. В некотором роде именно она мера успеха, а следовательно, и труда. Другое дело, что слава, как и успех, может быть заслуженной и незаслуженной, скандальной, легкой, временной, курьезной... Какая у меня — судить не мне.

— Вы наизусть процитировали Цицерона. Любите древних авторов?

— Меня вообще интересует мир древних. Ведь и цирк — искусство, корнями уходящее в давние века. В моей библиотеке вы найдете и Боннара, и Софокла, и Еврипида, и Аристофана, и всех римлян, издавав-

шихся у нас. Читая древних, многое можешь понять в современности. Но должен признаться, цитата из Цицерона — всего лишь цитата, я не могу, конечно, цитировать целые произведения, чего нет, того нет.

— Мы чуть-чуть отвлеклись от вопроса о славе...

— Нам помешал Цицерон.

— Хотелось бы, чтобы вы сказали несколько слов о своем отношении к поклонникам и поклонникам.

— Отношение самое разное. Мне неприятен тип околосценических и околосценических мальчиков и девочек, которые мечтают узнать лишь нечто пикантное об известном человеке, а если это не удастся, сочиняют пикантности сами. Другое отношение к тем, кто пишет тебе умные письма, помогает советом в работе. Спасибо таким людям за то, что они есть.

— Считается, что клоун — человек общительный, веселый. Вас, наоборот, часто приглашают в компании?

— Вы правы. Случается, я прихожу к знакомым и вижу, что все от меня ждет, когда я начну веселить публику. Ждут чего-то необычного. То ли я должен жонглировать пирогами с помощью ног и при этом рассказывать забавные истории, то ли есть, стоя руками на столе. Становится неловко, и тогда я стараюсь занять место где-нибудь в углу и молча наблюдать за всей компанией. А потом слышу разочарованные голоса: мы-то думали, что он... А он, смотрите, какой скучный человек...

Общительный на арене, на сцене, я довольно замкнут дома, в кругу друзей. Да и друзей у меня не так уж много.

Самый верный друг — мама. Она готова к любым неожиданностям в моей жизни и всегда может отнестись к ним снисходительно.

Затем «великолепная четверка» — Ролан Быков, Юрий Белов, Олег Стриженов, Василий Шукшин. К ним я иду, когда мне грустно, когда трудно, когда весело и хорошо. Если ты знаешь, что не один, что у тебя есть друзья, — интереснее, легче жить. Ведь дружба — это не просто общение человека с человеком, это нечто большее, это полное понимание. И потому круг друзей не может быть обширен, как, скажем, круг знакомых, которых у меня очень много.

— Мы хорошо себе представляем рабочий день учителя, врача, слесаря, шофера, ученого. А каков рабочий день клоуна?

— Утро, как и у многих людей, у меня начинается с зарядки. Лично у меня — с изнуряющей. Артист вынужден быть всегда в форме. Поэтому приходится тренироваться как спортсмену. После этого — репетиция: по 10 — 15 раз повторяю то, что умею делать, по 50 — то, что не умею, но собираюсь показать зрителям. Среди этих номеров — эквилибр, когда я стою на пяти поставленных друг на друга металлических трубках — катушках большого диаметра; жонглирование зонтиками, некоторые акробатические номера.

После этих домашних репетиций читаю или пишу. Ежедневное чтение — газеты, журналы, книги — стало привычкой, необходимостью. Образованность клоуна — это тоже профессиональное требование. Ка-

жется, Михаил Ильич Ромм говорил, что можно сыграть любого человека, но нельзя сыграть умного, если у тебя пустые глаза. У комика глаза не должны быть пустыми. А поэтому он обязан знать как можно больше, обязан разбираться в политике, искусстве, литературе, кино, театре, музыке. Все это в той или иной степени используется в работе.

После чтения я, как правило, обедаю. У артистов цирка особый режим. Позднее окончание работы требует эмоционального остывания, если так можно сказать. Даже утром совершенно не хочется есть, а перед работой обедать нельзя — будет тяжело выполнять акробатические номера, жонглировать, поэтому артист цирка и питается за несколько часов до выхода на манеж...

За час до начала спектакля в цирке или на эстраде я прихожу на работу. Таким образом, вот вам мой рабочий день: зарядка, репетиция, чтение, обед, короткий отдых, время на дорогу, работа в цирке. И так каждый день. Бывает, что в эти же часы нужно втиснуть еще съемки в кино или на телевидении, запись на радио и встречи со зрителями, участие в тех или иных концертах до начала работы в цирке или после вечернего представления, если мое выступление ставится в концертной программе где-то в конце. Так и живем. Довольно напряженно.

— Когда видишь вас на арене или на сцене, то понимаешь: легкость, с которой вы работаете,— видимость. Одна только стойка «крокодил», когда вы стоите на левой руке, а тело вытянуто параллельно манежу, требует огромного усилия. Поэтому, наверное, закономерен следующий вопрос — о здоровье клоуна.

— К счастью, я здоров. На пенсию не собираюсь, хотя мне и осталось 5 лет до получения пенсионного удостоверения. В цирке пенсия назначается после того, как клоун проработал 20 лет, независимо от возраста. Как видите, наш труд приравнивается к самому тяжелому физическому. Поэтому и здоровье у клоуна должно быть геркулесовское.

В цирке вас подстерегает масса сюрпризов. На голову «норовят» свалиться трапеции, блоки, гайки и другие предметы от тяжеловесных воздушных аппаратов. Одно неточное движение во время репетиции — и растяжение, ушиб, травма вам обеспечены. Вы дышите пылью, поднятой метлами униформистов. В такие минуты арену можно, наверное, сравнить с шахтерским забоем 1913 года. За кулисами время от времени вас кусают собаки и медведи, готовые к выходу, а посему чувствительные и нервные. В цирковом буфете вас порой так кормят, что лучше заранее наметить часы для посещения терапевта, ибо все лучшее из продуктов отдается хищникам — львам, тиграм и пантерам... Я, конечно, утрирую, такова уж моя профессия. Но, говоря о требованиях к здоровью циркового артиста, не преувеличиваю нисколько.

— Вы человек увлекающийся. Вероятно, у вас есть и увлечения, которые называют хобби?

— Признаюсь, я не люблю слово «хобби». С ним связано нечто модное. А мне неприятны увлечения, продиктованные модой. Вдруг ста-

ло модным вырезать из дерева, и этим занимаются все. Одно время было модно собирать свечи. Поэтому хобби в общепринятом смысле у меня нет, я ничего не собираю. Я увлекаюсь литературой. Много читаю, пишу сам. Люблю музыку, изобразительное искусство... Но сколько на земле не увиденного мною — я говорю о живописи, графике, о прикладном искусстве; сколько неслышанного — симфоний, концертов, просто прекрасных песен! Сколько?! Знаете, я подумал, что жизнь всегда коротка, сколько бы люди ни жили. Коротка, потому что человек не успевает сделать все, что им задумано...

Еще об увлечениях. Я люблю ходить пешком, но вряд ли это то, что вас интересует. Люблю спорт. Внимательнейшим образом слежу за всеми спортивными соревнованиями, особенно по боксу, я ведь сам когда-то занимался боксом всерьез.

— Сейчас я задам вопрос, на который не все отвечают охотно, но все-таки хотелось бы получить на него более или менее точный ответ, ибо каждый молодой человек рано или поздно начинает размышлять над этим вопросом: в чем смысл жизни? Что в ней главное?

— Вопрос «В чем смысл жизни?», наверное, близок к вопросу «В чем счастье человека?». А счастье, по моему, в ощущении своей нужности, полезности, в радости, которую получаешь от жизни... Если ты стремишься принести в свой труд что-то новое, то всегда неизбежна борьба — с самим собой, с устаревшими представлениями, со всевозможными житейскими преградами. И когда ты приходишь победителем, ты счастлив. Не правда ли?! Думаю, это характерно не только для моей профессии...

Как и для большинства людей, для меня главное в жизни — работа. Хочется сказать свое слово в искусстве. Я ищу возможность соединения на первый взгляд несоединимого: цирка с театром, кинематографом, литературой. Здесь бездна неоткрытого, и цель — проникнуть в нее как можно глубже.

— Есть ли человек, которому вы завидуете?

— Да. Это Василий Шукшин, прекрасный литератор, не менее прекрасный актер и режиссер. И удивительнейший человек! Он обладает богатством души, знаний, интеллекта. Книги его будут читать. Фильмы, поставленные им, будут идти...

— Для определения того, что достигнуто актером, статистика не лучший метод. Но мне кажется, что в цифрах ваша жизнь будет выглядеть любопытной. Давайте попробуем «сосчитать» ее.

— Давайте. Живу на свете 37 лет. Работаю, как уже сказано, 15 лет. За эти годы участвовал более чем в 6 тысячах представлений. К этому можно добавить выступления по телевидению, съемки в шести кинокартинах. Написал более 100 рассказов и новелл. Десять человек считают меня своим учителем, а я их — учениками. Приятная цифра, если учесть, что церковное училище в год выпускает максимум двух коверных. Получил более пяти тысяч писем от зрителей. Прочел — трудно точно сказать, — но думаю, что не меньше трех тысяч книг. Выступил более 500

раз с рассказами о цирке, об искусстве пантомимы... И если уж вы хотите цифр, то давайте запишем еще такую: мною выпито... около 24 тысяч бутылок лимонада или минеральной воды. По 4 за представление. Каждое представление — это большой расход сил, и всегда хочется пить.

— Известно, что вы автор всех своих реприз и миниатюр. Сколько их в вашем репертуаре?

— Больше ста.

— Какое из шести тысяч выступлений запомнилось вам больше всего?

— То, которое было вечером 22 апреля 1961 года.

Этот день навсегда останется у меня в памяти. Помню, днем было скверное настроение. Накануне от волнения плохо спал. По своей давней привычке на работу побрел пешком. Шел мокрый снег. На фасаде теперь уже старого Московского цирка на Цветном бульваре увидел огромную, в подтеках дождя, афишу, возвещающую о моих гастролях. Краски разошлись, и было впечатление — клоун плачет.

В гардеробной одевался механически. Посмотрел на себя в зеркало и тут только отчетливо осознал — это же мой дебют в Московском цирке. А что будет, если провалюсь?

Нет, это невозможно. Я репетировал даже ночами, я рвался в Москву, я боролся за право работать в Москве, говорил всем, что смогу. Я убеждал маму, что стану хорошим клоуном и что это хорошая профессия.

Нет, я не провалюсь! Ни за что!

До сих пор отчетливо помню ревущий зал, когда закончилась клоунада «Бокс». И что-то совсем невероятное — вызовы после моего ухода за форганг, вызовы, будто это не цирк, а театр...

Я совсем не пользуюсь наклейками и париками. Мой сценический костюм почти тот же, что и в жизни. Я не пишу, не кричу на арене. Я молчу, и этот язык оказался понятен зрителю.

— И последний вопрос: легко ли быть комиком?

— Насколько это трудно, знают только сами комики. Клоун — это человек, который в обычном находит необычное. Отсюда комический эффект. Но я выхожу на манеж не для того лишь, чтобы смешить «уважаемую публику». Я выхожу на манеж, на эстраду для того, чтобы говорить с «уважаемой публикой». О добре и зле, благородстве и подлости, о любви и нежности. Возьмите мои репризы, пантомимы, клоунады. Их основная тема — человек. Вспомните «Бокс», где мой герой, слабый, хилый, побеждает силача, оскорбившего его чувства к девушке. Вспомните «Тарелки», «Акробата» — это не просто антрэ. Нет, здесь разговор со зрителем, хотя на манеже я не произношу ни слова... Одна газета назвала меня «клоуном с осенью в сердце». Это приятно. Потому что осень — это раздумье. А ведь без раздумья, замечу вам, без самого серьезного отношения к жизни нет и не может быть настоящего клоуна. Об этом я помню каждый день, каждый вечер.

Вечер... Самое любимое время суток. Вечером я по своей старой привычке пойду пешком на работу. Вечером меня ждет шумный концертный зал, со сцены которого я рассказываю людям о жизни и о них самих. Вечером меня ждет переполненная чаша цирка, на золотистом донышке которой так тяжело и так радостно работать...

* * *

Вот такой был опубликован материал. Почти все правда. Почти! Как же было на самом деле? А на самом деле материал был подготовлен при жизни Леонида Енгибарова, и по разным причинам он «вылетал» из номера в номер. Беседа состоялась не за месяц до его смерти. Беседа состоялась за год до его смерти. Но Леонид Енгибаров был жив, и всем казалось, что торопиться не надо, можно напечатать сегодня, а можно — и через три месяца... А за месяц до смерти он в очередной раз визировал нашу беседу, ибо все время в нее вносились те или иные поправки. Во-первых, шли сокращения, во-вторых, кое-что казалось слишком нескромным — это и убрали. А когда он умер, то давать беседу не хотели: его же нет... И годовщина со дня смерти стала своеобразным поводом.

Да простится мне банальность, но как часто именно годовщины после смерти становятся поводом для публикаций о тех или иных талантливых людях. Им бы при жизни побольше...

Работая на радио, я делал несколько передач с Леонидом Енгибаровым. Видимо, до сих пор в архивах хранится пять километров пленки с записями голоса Леонида Енгибарова. Расшифровка этих записей — неприглаженная стенограмма, — как и не вошедшие куски в интервью в «Смене», мне думается, будут интересны читателям.

В марте 1971 года Леонид Енгибаров в Театре эстрады показал моноспектакль «Звездный дождь». В программе «Маяк» прозвучало интервью Леонида Енгибарова:

«Этот день я считаю последним в моей прежней жизни и первым в жизни актера и сценариста. С этого дня все, чем я живу, что меня волнует, все так или иначе отражается на моей работе. Да, я ушел из цирка. Но меня там не понимали. Оформить выезд за границу — проблема, а я куда сбегать не собираюсь. Добиться денег на реквизит — неразрешимая задача. В чем только не обвиняют меня! В чем только не подозревают! Не женат — значит, развратник. Покупает охапки роз — значит, транжира. А я дарю Ядвига Кокиной охапки роз. Вы не знаете, кто такая Ядвига Кокина? Это девчонка, которая умеет летать. Она может упасть, и она падает, а потом снова летает, летает, как ни в чем не бывало. (Такие слова он наговорил на пленку, но они были вырезаны, и интервью началось с других слов. — В. Ш.)

— Теперь моя биография — репризы, пантомимы, которые я делаю, сценарии, которые пишу для кино. Семейное положение? Убе-

ужденный холостяк. К поклонникам отношусь настороженно. Любимый цвет — зеленый. Любимый художник — Ван Гог. Композитор? Григ и Чайковский. Вы просили рассказать забавный эпизод из жизни? Пожариста, могу несколько.

Я вспоминаю эпизод, который связан с моей прической. Наверное, зрители обратили внимание, что в жизни я постоянно ношу и работаю на манеже с длинными волосами. Я просто так привык с детства. Длинные волосы — это старинная армянская прическа, и я соблюдаю эту традицию.

Вот случай, связанный с моей прической.

В скором поезде «Астрахань — Москва» некоторые из пассажиров узнали меня и просили автографы. Потом подошла проводница, пожилая женщина, и стала интересоваться, кто я. Когда я назвал свою фамилию, она сказала: «Как же, как же, моя дочка знает вас и даже наклеила вашу фотографию». Я поинтересовался, где фотография. Она говорит, что фотография в купе. Дочка, ей было уже 19 лет, работает с ней.

Я сказал: «Очень приятно», — а проводница добавила: «Только вы там не один, там вас четверо — еще трое ваших приятелей».

Я понял: речь идет о знаменитом английском квартете «Битлз». Я спросил: «Можно посмотреть фотографию?» Она сказала: «Можно, только вы там на себя не очень похожи».

Я зашел с ней в купе и увидел фотографии Ринго Старра, ударника квартета «Битлз», Джона Леннона, за которого проводница принимала меня, и Пола Маккартни, а четвертым был... Николай Васильевич Гоголь.

Из передачи «С добрым утром!», где была рубрика «Веселые мемуары»:

— Я считаю, что клоун — это не профессия. Это мировоззрение. Все, что связано со смешными эпизодами в жизни, я запоминаю, хотя эти смешные эпизоды часто бывают и грустными. Вот один из них, который произошел в прекрасном, моем любимом городе Одессе.

После представления в цирке у меня должен был состояться концерт пантомимы в Доме творчества. Я прибыл на концерт в одиннадцать вечера. Зал был полон. В основном собрались друзья, люди, которые меня хорошо знали. Мне было приятно перед ними выступать. Перед самым началом ко мне за кулисами подошел человек в кремовых штанах и сказал: «Здравствуйте, дорогой! Здравствуйте, наша радость! Разрешите, я вас представляю зрителям». Я сказал, что представлять меня не нужно, но человек в кремовых штанах так настаивал, что я ему разрешил.

Я стою на сцене перед закрытым занавесом, а на авансцену выходит человек в кремовых штанах и произносит следующий монолог: «Дорогие наши друзья! Сейчас перед вами выступит артист, которого любит вся Одесса. Дорогие наши художники! Сейчас перед вами выступит артист, которого знает вся Европа. Сейчас перед вами выступит артист, я не боюсь этого слова, которого знает весь мир. Мы его безумно лю-

бим, мы его уважаем. Артист, который не произносит ни одного слова, и все абсолютно понятно. Выступает заслуженный артист республики... Махмуд Эсамбаев!»

Когда я вышел на сцену, зал грохнул.

А недавно в ГУМе ко мне подошла девушка, очень симпатичная, лет восемнадцать. Посмотрела на меня и дрожащим от волнения голосом спросила: «Скажите, пожалуйста, вы — Муслим Енгибаров?» Я ей ответил: «Нет, что вы! Я Леонид Магомаев».

Из передач радиостанции «Юность» — «Для тех кто не спит»:

— Леонид, можете ли вы вспомнить забавный случай, связанный с вашей юностью?

Енгибаров: — Не знаю, насколько это покажется забавным радиослушателям, но когда я рассказываю друзьям, они улыбаются. Я люблю свой район, в котором я родился и вырос. Это Марьино роща. Сейчас уже много новых домов, а когда я заканчивал цирковое училище, Марьино роща сохраняла свой старый облик. И мы жили в деревянном доме недалеко от церкви. К счастью, эту церковь не снесли. Моя мама долго переживала, когда я поступал то в один институт, то в другой. И когда я наконец в 1959 году закончил цирковое училище и принес домой диплом, в котором было записано, что я артист, клоун и пантомимист, мама, как и все мамы, была рада и... заплакала. Помню, я убежал с друзьями на какой-то концерт, и мама осталась одна. Она хотела поделиться с кем-нибудь своей радостью и побежала к соседке. Родственников никого поблизости не было, а маме хотелось кому-нибудь сказать, что сын ее наконец-таки встал на ноги. Вот и пошла мама к своей подруге-соседке, у которой сын мой ровесник, мы с ним учились в школе, он стал шофером.

Прибежала мама к подруге и говорит: «Маша, смотри, смотри, Маша», — а глаза у мамы были полны слез: она показывала диплом, в котором было написано «клоун-мим».

Маша посмотрела диплом и сказала: «Тонечка, ты не расстраивайся, не плачь, это ведь тоже профессия!»...

...По секрету говоря, если бы я не был актером таким, какой я есть, я бы стал кукольным актером. Я очень люблю кукольный театр, люблю театр Сергея Образцова.

...Пантомима для меня — искусство веселое, обязательно жизнерадостное, обязательно смешное. Пантомима для меня ассоциируется с еще одним видом искусства, которое я безумно люблю, — это мультипликация. Пантомима сродни мультипликации. Ну, например, где еще, как не в пантомиме или в мультипликации, можно сыграть эпизод, как человек влезает в пасть к тигру со спичкой в руках и ищет там свою шляпу, которая там осталась? Пантомима прекрасна тем, что она заставляет человека думать, она как бы доверяет ему и возвышает его в собственных глазах. Это как рисунок без подписи: когда человек угадывает, что ему показывают, то это его поднимает в собственных глазах.

...Что бы я мог пожелать себе на прощание? Избежать благополучия, избежать скуки. Я бы хотел, пусть даже если не все будет гладко, все-таки всегда находиться на острие жизни... Нет, не получается у меня пожелание самому себе. Задавайте другой вопрос.

...Мне 29 лет. Десять лет назад я закончил свою боксерскую карьеру. Десять лет я актер. Восемь лет работаю как сценарист. В 66-м году я начал писать, печатать свои короткие рассказы.

...Войну я провел в Москве, в Марьиной роще. Я пережил здесь все бомбежки, и первое, что я узнал в жизни, это были не детские игрушки, не хоккей. Это была война. Вой сирены, предупреждающий о налетах. Это отложило особый отпечаток на меня. И пока я живу, я не могу этого забыть. Для меня, например, покупка коньков после войны было событием космического масштаба. Первый костюм у меня появился, когда мне было далеко за 20 лет. Детство — оно всегда дорого, и как сказал великолепный мой друг, великолепный актер Сергей Юрский, ни одного года обратно я не отдам.

...Я представитель многострадального рода человеческого. Мама для меня — самое любимое существо. Я люблю, если говорить о наших современных поэтах, Беллу Ахмадулину и Андрея Вознесенского. Много поэтов, которые ходят вместе, рядом с нами, а мы часто их не ценим, не замечаем. Давайте будем к ним внимательны, будем помнить, что в конце концов Шекспир тоже жил среди современников.

Я многим обязан Юрию Павловичу Белову. Этот человек сделал меня. Я ему во всем доверяю. О нем могу рассказывать часами. Мы мечтаем с ним поставить спектакль, который условно будет называться «Нельзя убить поэта». Я счастлив, что знаком с Василием Шукшиным. Мой современник, великолепный писатель, великолепный актер. Велимир Хлебников отрицал деньги как таковые. Мне кажется, в идеале деньги художник должен отрицать как таковые. Если бы мне предложили, скажем, получить полмиллиона, с одной стороны, или мне будет бесплатно дан дар, ну, скажем, хорошего композитора, что у меня начисто отсутствует, я бы не стал размышлять. Лучше получить дар и быть бедным. Произведения искусства не могут быть оценены ни в рублях, ни в долларах, ни в тугриках. Хотя, конечно, актерам должны платить больше. И ассистентам, помогающим актерам, должны платить больше. Я, например, ассистентам даю деньги, и не в долг, а за их работу.

...Волнует ли меня проблема возраста? Нельзя сказать, чтобы она меня не волновала. Я не буду скрывать: мне 36 лет, я родился в 1935 году. Не скрою еще один преступный факт моей биографии: я часто скрываю свой возраст, говорю, что мне — 29. Говорю это как-то непроизвольно, уж очень хочется, чтобы было чуть меньше. Но, с другой стороны, наступают такие моменты, когда я не скрываю возраста. И сегодня — один из таких моментов. Мы сделали свой театр, подводим итоги. И ничего в этом нет плохого, что мне 36 лет, правда?

...Как я отношусь к неудачникам? Я стараюсь предвидеть неудачи. Ни одного крупного провала на сцене, на арене цирка у меня не было. Один критик обругал мои новеллы, обвинил чуть ли не в плагиате. Я расстроился, а потом подумал: «Пусть себе пишет, пусть! Мало ли что могут написать? Я же верю в себя!» Хотя неудача тоже обогащает человека. Каждое поражение сулит в себе зародыш будущей победы. И, потерпев поражение, вы обогащаетесь. Вы узнали, чего вам надо избегать, что стоит на вашем пути. Я люблю в людях преданность идее, искусству, долгу, но не фанатизм. Фанатизм приносит страшные плоды. Я ценю в людях доброту.

— И последний вопрос: ваше отношение к счастью и счастливы ли вы?

— Счастье... ну, счастье... это как черта, как цель, к которой идет человек. Счастье даже не в самом достижении цели, а это путь к этой цели. И всегда должно быть так: достигнув, человек должен иметь перед собой следующую дорогу, потому что счастье — это дорога, а не остановка, потому что остановка — это уже конец. Я не верю в счастливый конец. Я не верю в хэппи-энд. Я верю в счастливую дорогу.

* * *

Лето в год его смерти выдалось в Москве невероятно жаркое. Горели в области торфяники. Москва была задымленной. Дышалось всем тяжело. Дышалось тяжело в прямом и переносном смысле. За день до смерти Леонид Енгибаров позвонил мне, просил встретиться. Мы долго с ним говорили. В тот же день он звонил Ролану Быкову, Олегу Стриженову и Юрию Белову. Он был вздернут, сверхироничен и чем-то очень раздражен. В разговоре переходил с крика на шепот и с шепота на крик. То рассказывал о планах, то говорил, что ничего не выйдет.

На следующий день он довольно рано пришел домой. Жаловался матери на недомогание, начал что-то читать, потом схватился за сердце и закричал: «Мама, у меня все горит в груди, помоги мне!»

Антонина Андриановна, мать Леонида Енгибарова, вызвала «Скорую помощь». Приехала молодая не то докторша, не то фельдшерница. Она поставила странный диагноз — отравление — и тут же уехала. А ему стало еще хуже. И снова вызвали «Скорую»... Врач сделал укол, но было поздно, он умер на руках у врача.

Вскрытие показало: обширный инфаркт сердца.

В тот день печатали Большую Советскую Энциклопедию, девятый том. Том, в который впервые была включена заметка о Леониде Енгибаре.

«МНЕ ИНТЕРЕСНЫ ВСЕ ЛЮДИ...»

Давняя фотография Валерия Плотникова.

Плетеное кресло. За креслом — Александр Калягин. В кресле — его дочь. А за Александром Калягиным — буйное цветение черемухи.

Таким фотомастер увидел артиста. Таким увидел и сумел передать его философское отношение к жизни, ироничное — к собственной персоне.

«Что касается популярности, — сказал Александр Калягин, выступая перед студентами МГУ, — не скрою, приятно. Только все это на самом деле мишура. Мне известны десятки примеров, когда популярнейшие когда-то люди, актеры и режиссеры вместе с нами вроде бы работают, а их уже никто не помнит. А сколько я знаю людей, не выдержавших испытания славой! Что меня лично спасает в подобной ситуации? Это то, что я отлично помню и знаю, каким я был раньше, а раньше я был никем, понимаете?»

Мы знакомы давно. Многое знаю об артисте из первых, как говорится, уст. Знаю фильмы, спектакли, телепередачи с его участием. А писать о нем сложно. Нужно встретиться. Готовясь к встрече, пытаюсь сформулировать вопросы, ищу оригинальное начало, думаю о своем герое. Но он переносит встречу с понедельника на среду, со среды на субботу. А сам уезжает в Ленинград, где снимается в фильме о друзьях Пушкина, играет Жуковского, а еще репетиции в театре — готовится спектакль «Тамара», он играет роль музыканта Симона, а тут и гастроли... Как быть?

Я прибегаю к небольшой хитрости. Я закрываю глаза и представляю, что Калягин сидит напротив меня, в кресле — ведь это так часто бывало, — и наша встреча начинается с его вопроса:

— Ты почему грустный? — Он смотрит на меня участливо.

— Нужно писать о Калягине, а не получается. Тебя все знают, все-таки более тридцати ролей в кино. Но кого ни спросишь о Калягине, тут же улыбка, а в ответ: «Прекрасный артист. Фильм, где он — тетка Чарлея, можем смотреть много раз». А мне, признаться, фильм «Здравствуйте, я ваша тетя» меньше всего нравится.

— Не нужно мучиться. Не пиши, и все тут. Нужно любить своего героя, погубить от любви. Только тогда можно вложить душу в творчество, быть искренним, эмоциональным, правдивым. Так я поступаю, выбирая роль. А тебе не хочется писать обо мне. И не надо. Лучше писать о молодых, открывать имена...

Верно. Ныне он знаменит. Но путь к признанию был долг и извилист. Он долго искал свой театр. Многие неодобрительно относились к его переходам из одного коллектива в другой. За ним укрепились репутация (как легко создать о себе плохую репутацию!) неуживчивого и капризного человека.

Еще не было «Механического пианино» (так кратко все называли известный фильм Никиты Михалкова по А. П. Чехову), не было ленты «Допрос», не было «Прохиндиады» (дуэт с Людмилой Гурченко поражаел органичностью и новизной в подходе к решению роли), не было «Мерт-

вых душ» — этого праздника для актера, но был талантливый Александр Калягин, щедро одаренный природой. Просто до поры до времени этого многие не замечали, а режиссура проходила мимо великолепного артиста.

— Хочешь, я сам о себе напишу? Ты сядешь за машинку, я буду диктовать.

Так мы и работали. Правда, он поминутно поглядывал на часы.

— Очень прошу, — взмолился я, — не надо смотреть на часы. Понимаю, ты торопишься: назначаешь четырем людям деловые свидания в четырех местах и всюду хочешь успеть. Так нельзя жить. Хотя многие, подпадая под твоё обаяние, готовы тебе все простить.

(Обаяние удивительное. Ему многие безропотно подчиняются, ибо он так умеет просить. Магические жесты, пронзительный взгляд, и это в сочетании с обезоруживающей улыбкой.)

— Не отвлекайся, — сказал он, — а то наделаешь ошибок.

Конечно, я подчинился и, стуча по клавишам, узнавал, что:

Как считают многие, у него несносный характер.

Он человек повышенного темперамента.

Голос выразительный по интонациям, но чуть-чуть с хрипотцой.

Он всегда хочет сделать слишком много, забывая, что нельзя объять необъятное.

Он тяжело переживает ссоры с друзьями, но они бывают.

Недавно попробовал себя в режиссуре, поставив на телевидении фильм «Полужка моя» по сценарию Татьяны Калецкой. Одни разнесли его работу в пух и прах, другие отнеслись одобрительно.

Собирался сыграть Гамлета в спектакле Анатолия Эфроса, начал работать, но потом не по своей вине пришлось отказаться от замысла. А сил ушло много.

Женат. Жена — актриса, работает в Малом театре. Двое детей — дочь учится в МГУ на филологическом, сын скоро станет школьником.

Собирать книги по изобразительному искусству — страсть. Любит бывать в музеях.

Хорошо водит машину, но иногда слишком нервничает на перекрестках. Не курит...

Но вот он сам прочел отпечатанное.

— Это никуда не годится. Все больше анкетные данные. Так об артистах не пишут. Нужно о нашей актерской боли, о неудовлетворенности работой в кино, о суетности, что заедает нас. Обязательно про родителей.

— Хорошо. — Я был согласен на все. — Мы добавим, что ты родился в 1942 году. Отец был директором педагогического института, мать преподавала в этом же институте французский язык. Ты поздний ребенок. Через два месяца после твоего рождения отец умер. Мы добавим, что ты ненавидел школу. После седьмого класса ты с удовольствием, лишь бы не ходить в школу, поступил в медицинское училище. Работал на

«Скорой помощи», занимался в студии художественного слова в Доме культуры медицинских работников. Правильно?

— Все верно! Но я тысячу раз об этом рассказывал,— согласился Александр Калягин,— на Творческих встречах, журналистам, давая интервью. Да, я написал в тринадцать лет письмо Аркадию Райкину, и он мне ответил. Письмо стало для меня своеобразным талисманом. Мне часто везло. Хотели же выгнать с актерского факультета, когда я учился в училище имени Щукина, а в последний момент меня защитил Борис Захава, и меня оставили.

— Ты везучий человек!

— Да, везучий. Мне повезло, что я встретил Виктора Титова и снялся в его картинах «Каждый день доктора Калинниковой», «Адам женится на Еве», «Здравствуйте, я ваша тетя». Мне повезло, что смог попробовать себя в разных жанрах. Мне нравится играть все: трагедию, комедию, фарс, водевиль, драму. Актер должен уметь играть все. Этому я постарался научить своих студентов. В этом году набрал актерский курс в школе-студии МХАТа.

Мне повезло с переходом к Олегу Ефремову. Хорошо работать у него в театре.

Он прикрыл глаза и о чем-то думал. Возникла долгая пауза, очень долгая. В театре Калягин — ведущий актер: спектакли «Так победим!», где он на высшем накале играет Ленина, «Мы, нижеподписавшиеся...» — там он исполнял роль Леньчика, соединяя в ней трагедию, комедию, фарс, драму. А еще классика: «Живой труп», «Чайка»... Главные роли. Споры о трактовке. Другому артисту одну такую роль — и он счастлив.

— Ты понимаешь,— вдруг начал он быстро,— мне интересны все люди, все профессии. Мы почему с тобой сошлись, познакомились? Помнишь, как Рустам Ибрагимбеков тебя представил?

Писатель, драматург, режиссер, ученый — бросил кандидатскую диссертацию почти накануне защиты,— Рустам Ибрагимбеков взял меня однажды с собой на встречу с Расимом Оджаговым и Александром Калягиным. Тогда начиналась работа над фильмом «Допрос», где Александр Калягин сыграл, на мой взгляд, одну из лучших своих ролей — роль следователя, начавшего неравную борьбу с коррупцией, взяточничеством, барством...

— Вот, знакомьтесь, водитель такси,— представил меня Рустам Ибрагимбеков.— Вез меня. Мы разговорились. Пусть он побудет с нами, побеждает.

Я тогда писал очерк о таксистах и несколько месяцев работал водителем. Признаюсь, мне бы хотелось, чтобы Рустам представил меня иначе: вот журналист, решил попробовать себя в режиссуре, по моему сценарию ставит на «Мосфильме» картину «Клоун Мусли».

— Боже, как повезло! — воскликнул Калягин.— Я безумно тороплюсь. Отвезете меня домой, а потом в аэропорт. С удовольствием бы стал таксистом. Интересная работа.

Позже, встречаясь с Калягиным в различных ситуациях, я понял: он действительно хотел бы испробовать всякую работу. Впрочем, многие профессии он попробовал в кино, на телевидении, в театре: врач, следователь, архитектор, инженер, строитель, рабочий... И все играл точно не только по линии актерской (там нужно говорить о талантливости), но в чисто профессиональном отношении он доходил до мельчайших тонкостей различных специальностей.

...Раздался телефонный звонок. Междугородная.

— Мы договорились сегодня встретиться. Но я еще не вылетел. Вернусь только через два дня. Не сердись, — говорит Александр Калягин.

— Но мне нужно сдавать статью о тебе, кое-что уточнить...

Он не дал мне договорить:

— Вот и отлично. — Голос был радостный. — У меня есть сейчас несколько минут. Ты же все про меня знаешь. Пиши. Я тебе верю. Только обязательно, слушай, напиши, что я человек, недовольный жизнью. Сделай акцент, что нужно помогать молодым. Мы чаще должны вспоминать свою молодость, чтобы не давить на молодых. Обязательно стоит вспомнить наш разговор о жизни и смерти, понимаешь? Все мы смертны, мы одинаковы, когда умираем; если об этом помнить, то будешь лучше относиться к живым, к живущим рядом. Нужно сказать о борьбе с хамством, чванством, взяточничеством, блатом. Сегодня это так важно... Все знают о недостатках, но многие делают вид, что их не видят, нас губит равнодушие. Когда я об этом говорю словами Ленина в спектакле «Так победим!», то зал аплодирует. Не мне, а словам Ленина. Я беспартийный, но ощущаю себя комиссаром. Хороший актер — всегда комиссар, разве не так?

И тут нас разъединили. Время телефонного разговора истекло.

Продолжается работа.

1986 г.

ЗАВТРА

Он жил спокойно и ровно — размеренно. Ложась спать, вспоминая прошедший день, он говорил: «Как жаль, что многого я не успел сегодня сделать». Но тут же успокаивался тем, что решал: «Завтра! Завтра я начну жить по-настоящему».

А на завтра... Он чувствовал, понимал, что читал не те книги, встречался не с теми людьми, смотрел не те фильмы, дома занимался не теми делами. День прошел в обычной суете. Ложась спать, он обещал себе: «Ничего, завтра встану пораньше и все начну сначала. Пора! Жить-то осталось на один день меньше». На завтра, а если брать день, когда он так сказал себе впервые, то на послезавтра, все повторилось. Он бегал

по магазинам, выстаивал в очередях, уставал и раздражался. Обидел жену — кажется, она забыла заштопать его носки, ругал детей — кажется, они, вернувшись с прогулки, забыли вытереть ноги. Он кого-то куда-то уставлял, кому-то что-то доставал. Кое-что успел сделать и на работе. За работу деньги платят. Деньги для жизни нужны.

Перечитывая дневниковые записи — кто в юности не вел дневников? — говорил про себя: «Как много хорошего я мечтал сделать. Нет-нет, долой суету. Хватит. Вот встану завтра и начну жить иначе!!!»

Так прошла неделя. Месяц. Год. Десять лет.

Дети росли. Он старился. Но, веря в себя, он повторял перед сном: «Завтра, завтра, завтра...».

Только сегодня он не сказал «завтра», потому что вчера лег спать, а утром... не проснулся. И нет теперь для него этого спасительного завтра.

Я написал эту историю и подумал: напишу еще одну. Лучшую. Я ее уже придумал. Но, нет, пожалуй, я сделаю это... завтра, завтра.

СТРАШШШНАЯ-Я-Я!

Он сидел передо мной, угрюмо пил кофе и время от времени, вздев руки к потолку, словно обращаясь к небу, произносил: «Слушай, а может быть, все-таки жениться на ней?! Ну надоела мне моя холостяцкая жизнь. Не могу я так больше! Тридцать два уже, пора».

— Пора бы, — соглашался я и лениво добавлял: — Женись.

Мой лениво-безразличный тон его возмущал. Ну а я, мог бы произнести это иначе? Не мог. Мы уже четыре часа вели этот разговор, а главное не в первый раз, и все время по три-четыре часа.

— Нет, она ведь ничего. Готовит хорошо: утку с яблоками, индейку, пирожки всякие. Но ведь страшшш-на-я-я-я!

— Не женись.

— Образованная. Все про театр знает, про кино. В Доме культуры работает. Авторитет большой. Знакомых много. Пробивная девка. Если что захочет — пробьет.

— Женись.

— Но ведь она страшшш-на-я-я-я!

— Не женись.

— Странные существа — женщины, — продолжал он. — Странные. Была миленькой, приятной. 44-й размер. А теперь... 56-й. — Он развел руками. — Вот такая! Страхшшш-на-я-я-я! И неряха немного. И зубы не хочет вставлять. Ну, как женщины не следят за собой? Она потому и замуж ни разу не вышла: не следит за собой, и все тут.

— Не женись.

Он налил себе кофе, отхлебнул, брезгливо смахнул крошку с белоснежной скатерти — что-то, а чистоту он любил: скатерть всегда белоснежная, чашечки прозрачные, фарфор тонкий, блестит. Рубашки менял два раза в день. В комнате у него порядок идеальный: на рояле ни пылинки, постельное белье каждые три дня менял. — Люблю хрустящие простыни, чтобы чистенько.

— Что хорошо с ней — добрая. Последнюю копейку отдаст. Если заболел, не дай бог, будет сидеть у постели — выходит. Характер у нее добрый-добрый, мягкий-мягкий, но тетюха.

Эти разговоры мы вели около года. Он встречался с ней и не встречался, дружил и не дружил, любил и не любил. И все решал: жениться или не жениться? Если я уговаривал его жениться, он произносил:

— Оно, конечно, можно, но ведь она 56-го размера. Ноги — росяные ножки... Страшшш-на-я-я-я!

А она его, видно, очень любила. Очень. И он женился. И переселился к ней в квартиру. И она заботилась о нем невероятно: мыла, стирала, убирала, в прямом смысле сдувала пылинки. Кормила! — ни в одном ресторане так не кормят. Начала за собой следить. Зубы вставила. Гимнастикой занялась. Два раза в неделю в бассейн ходила. Один раз в неделю — на теннис. А по воскресеньям занималась в школе верховой езды.

Похудела. Похорошела. И что-то в ней загадочное открылось. Начали за ней ухаживать и сослуживцы, и гости Дома культуры, где она работала; один режиссер, выступавший в Доме культуры на творческом вечере, в Дом кино все время звал.

— Ну что мне делать, — сказала она (все поменялось: он перестал ко мне ходить, а она зачастила), — муж-то мой, вроде и умный, и образованный, и тактичный даже, но страшшш-ш-ны-ый! Пузо отрастил, трудовая мозоль называется. Я ему все костюмы перешила, а он в них не влазит. Был 46-го размера — теперь 58-й! Ну просто старый поросенок, и все тут Разводиться с ним или нет?

— Разводись.

— Ну, как же я его брошу? Ну, куда ж он денется? Одышка, ходит медленно, делать ничего не умеет: ни стирать, ни убираться, ни готовить. Жалко его. Да и потом. Ну не глупый же он, умный, я ему нужна. На работе его ценят.

— Не разводись.

— Оно можно и не разводиться, но ведь он такой страшненький стал, просто противненький..

Так они и жили. Живут и сейчас. Недавно у них второй ребенок родился — девочка. Первым был мальчик... И дети у них — хорошеньки-е-е-е, просто прелесть!

ГАЛОШИ

Вся моя жизнь изменилась с тех пор, как я решил носить настоящие блестящие черные резиновые галоши 40-го размера.

Галоши помогают мне понять людей, их психологию, настрой.

Итак, я хожу в галошах. Это очень удобно. В домах, куда я прихожу, мне стыдливо не предлагают сменить ботинки на тапочки. Ведь я в галошах. Я вхожу в квартиру, зная, что не испачкаю паркетный, линолеумный пол. И всегда тут же появляется тема для разговора...

— А, вы в галошах?! — удивленно вопрошают хозяева и явно проявляют ко мне повышенный интерес. — Неужели их продают? И сколько же они стоят?

Я подробно рассказываю, что галоши еще продают, стоят они недорого, помогают мне сохранить ноги всегда в тепле, туфли остаются при этом чистыми, и я не должен перед входом в квартиру вытирать носки ботинок о свои штаны (привычка, оставшаяся со школьных лет у многих взрослых). Да и сама обувь дольше сохраняется.

В гостях, на улице, в метро я слышу разные реплики, и каждая из них помогает точно определить, кто как ко мне относится. Что я слышу?

— Плюшкин...

— Аккуратный человек, молодец...

— Оригинал, ходит в галошах...

— Рационалист, это явно...

— Сбежал из больницы...

— Если бы мой парень носил галоши, я бы с ним на улицу не вышла...

— Выпендривается...

По-разному к моим галошам относятся и гардеробщики. В стоматологическом институте, например, наотрез отказались их принимать.

— Оставляйте около гардероба. Их никто не возьмет.

(И верно. Через час вернулся — галоши стояли на месте.)

В театрах гардеробщики морщатся и почему-то добавляют:

— Тоже мне, старик. (Только во МХАТе старый гардеробщик, увидев меня, аж зарделся и, взяв мои галоши, сказал: «Станиславский тоже любил галоши. А Василий Иванович Качалов — боты. После спектакля выдам пальто без очереди».)

Один из приятелей спросил, только ли я ношу галоши. Я ему честно сказал, что, кроме меня, галоши носят знаменитый режиссер «Мосфильма», один из выдающихся певцов Большого театра, академик-физик и многие-многие детсадовцы.

А в одном очень солидном учреждении гардеробщица (она по совмещительству уборщица) разглядывала меня долго-долго и, отнесясь с явным уважением, сказала:

— Ценит нашу работу, ценит, не следит...

Когда же я еду в метро, то девушка, сидящая напротив, вдруг, заметив мои галоши, прямо прыскает от удивления и тут же, толкая своего

спутника, говорит ему что-то на ухо. (Я-то знаю, она говорит: «Смотри, смотри, человек в галошах!») И тогда они оба смотрят на меня...

А я смотрю на них. В упор. И всем своим видом говорю: «Да, да, я в галошах, ну, смотрите, в галошах...» И им становится чуть-чуть неудобно передо мною. (Если же девушка едет без спутника, то я всегда могу начать с ней разговор. Тема на ногах — галоши!)

Так я живу. И доволен. Ведь действительно ноги всегда теплые, сухие, ботинки чистые, слышу оригиналом. Вот только сын-первоклассник меня вчера сбил с толку вопросом:

— Папа, а ты не хиппи?..

ЗУБНАЯ ЩЕТКА

Давно мне хотелось начать жизнь сначала.

Но я понимал: все начать сначала — ничего не получится. Поэтому я начал с малого — купил обыкновенную желтую жесткую зубную щетку и сказал сам себе, как бы клятву дал — чистить зубы буду ежедневно: перед сном и утром. И начал. Как бы в сон ни клонило, как бы ни уставал, чистил на ночь. Как бы ни опаздывал, как бы ни торопился, чистил утром.

Смотрел на себя в зеркало, улыбался и радовался — зубы чистые, красивые, одним словом, блеск! Смотрел в зеркало и думал: «А почему это я бреюсь через день? Ведь могу и каждый день». Как бы ни торопился, как бы ни спешил, в первые дни сложно было, но брился. Брился и смотрел в зеркало: зубы чистые, лицо выбрито, а рубашка... Да что это я в самом деле, могу же, могу... И решил каждый день надевать чистую, белоснежную сорочку.

Воротничок отглаженный, зубы блеск, лицо гладкое — приятно на себя посмотреть. Так дело до костюма дошло и до чистых ботинок. Жена брюки гладила, я ботинки чистил. Подумал я тогда: а зачем же мне на работу полчаса на двух автобусах в давке ездить, когда лучше час пешком пройтись? И не опоздаю — сам от себя зависеть буду, и не устану. Так и сделал. Как бы ни торопился, как бы ни спешил, пешком ходил. И без опозданий, даже на пять минут раньше стал приходить. Голова свежая, тело размятое, рубашка чистая, лицо выбрито, зубы блеск.

Так и вошел я в жизнь новую. Книги начал читать. И не только художественные, но и специальные. А когда человек специальные книги читает, тогда, хочет он или не хочет, начинает работать лучше. Перестал я затворником быть на работе: что-то предложил, что-то рассмотрел, что-то новое внес. Чувствую, все удивляются. Но я молчу, никому ничего не говорю, что жить, мол, решил по-новому.

А через полгода, в конце июня, меня вызвал к себе в кабинет начальник. Посмотрел, улыбнулся прокуренными зубами и сказал:

— Вы у нас девять лет. И все время работаете ни плохо, ни хорошо. А вот за полгода что-то с вами произошло. Объясните, в чем дело. Мы вам премию даем, благодарность объявляем, и, я думаю, место в седнем отделе есть... зам. начальника... предлагаю...

Я сидел и молчал. А потом рассказал. Рассказал, как щетку зубную полгода назад купил.

Посмотрел на меня начальник, улыбнулся и не поверил. А вчера, 30 декабря, он меня снова вызвал. Посмотрел, улыбнулся: зубы чистые — просто блеск, лицо выбрито, брюки в стрелках на нем... и сказал:

— Чудеса! Переводят меня в главк... А на место свое я вас предложил.

Вот такая история.

ЧЕРНАЯ «ВОЛГА»

Каждый день в 8.28 утра моя жена нервно говорит:

— Ты опоздаешь! Беги скорей!! Твой ждать не будет!!!

«Твой» — это она о моем шофере, который работает точнее механических часов по телефону.

Я спускаюсь, застегивая на ходу пальто, по лестнице быстрее быстрогоходного автоматического лифта. Я знаю, верно, — мой ждать не будет.

Ровно в 8.30 он тормозит около моего дома. Он сидит в своей черной, хромированной, с телефоном «Волге» и слушает «Маяк».

Скромно сажусь на заднее сиденье, не успеваю захлопнуть дверцу — и наша черная «Волга» набирает скорость. Мы мчимся по оживленным улицам, красиво обгоняя автобусы, троллейбусы, «Жигули» и даже «Чайки». Да-да, мы обгоняем всех именно красиво. Мой шофер ведет машину плавно, элегантно и точно. Маршрут проверенный, милиционеры-регулировщики козыряют нам.

— Знают они меня, знают, — говорит водитель. — А я ведь и не нарушаю. А где если и прибавлю скорость, так там и инспекторов нет. Сегодня дел у меня много, — продолжает он. — Мария в «Океане» севрюгу оставила. Нужно заехать. Вам взять килограммчик? Там и вобла бывает. Вообще, хороший магазин.

Выдержав значительную паузу (ничего не поделаешь — борюсь сам с собой), я гордо отказываюсь. Не хочу быть зависимым от шофера.

— Потом, — продолжает он, — в ателье надо бы заскочить. Дубленка у меня по шву в рукаве разошлась. Толстею, что ли... Ну, а в обеденный перерыв, — добавляет он, — как всегда, хочу на себя поработать: десятка карман не оттянет...

И это все он говорит мне. А я должен молчать. И я молчу. Я привык выслушивать его. Вот уже год как я езжу с этим шофером, и всегда он говорит одно и то же.

Пока мы едем, мой шофер сообщает, какой писатель сколько зарабатывает, о трудностях с ремонтом своей дачи, о детях, которые учатся у него на одни пятерки и, кроме школы, посещают кружки английского языка, фигурного катания, а также берут уроки игры на фортепиано. Он спокойно говорит мне, словно специально дразнит, что ему оставили в особой театральной кассе билеты на балет «Спартак» и в Театр имени Вахтангова на «Ричарда III» с Михаилом Ульяновым. Мне же он предлагает билеты в Театр Гоголя и на цыганский ансамбль. От этого я отказываюсь без борьбы.

Так за разговором — он говорит, я слушаю — незаметно проходит время. И ровно в 8.58 утра наша машина резко тормозит у входа в учреждение, где я работаю.

Я выхожу из машину и вижу каждый день одно и то же: подъезжает «Москвич»-пикап, из него выходит мой директор. Мы мило здороваемся. Я вижу, чувствую, ощущаю, как директор мучается, решая задачу: ну почему же каждый раз я приезжаю на работу в черной хромированной, оборудованной противотуманными фарами, с рацией и телефоном «Волге»?

А я всегда думаю, все-таки совесть гложет: сказать или не сказать? Ведь знаю, отношение директора ко мне изменилось именно с тех пор, как я стал ездить на этой машине. Он, директор, стал ко мне добрее, внимательнее. Работа у меня лучше пошла.

Вот и думаю, сказать или не сказать, что каждый раз, выходя из машины, я стыдливо сую своему шоферу рубль. Шофер-то заезжает за мной лишь после того, как отвезет на работу своего начальника (его работа рядом с моим домом). И еще об одном думаю: мой шофер решил ставку удвоить. А ведь тогда я откажусь от машины, и мой директор... Так, может быть, сказать?

ИЗМЕНА

Все вполне справедливо считали ее счастливой. И действительно, она была счастлива. Приятная внешность, удивительное обаяние, элегантность, отменный вкус, доброжелательный и уравновешенный характер. И молода. Да-да, именно молода, не шестнадцать, но и не за тридцать. Всего лишь под тридцать.

Великолепная и очень интересная работа. Отдельный кабинет. Отличный заработок. Абсолютное уважение у коллег, преданность двадцати подчиненных, доверие у самого высшего руководства. Она со вкусом одевалась, прекрасно выглядела, а на столе во все времена года у нее стояли живые цветы. Никто и никогда, даже в конце квартала, не видел ее уставшей, вздернутой или рассерженной. Она умела владеть собой.

В любое время года, каждый день перед работой больше часа она бегала в Сокольниках, а на службу, имея личные «Жигули» шестой модели, ходила только пешком и домой возвращалась, обходясь без личного и общественного транспорта, успевая забежать в два-три магазина, чтобы пополнить холодильник. (На машине она ездила лишь на большие расстояния или оказывая знаки уважения многочисленной родне.)

Естественно, у нее был Он. Они жили, как говорится, душа в душу. Она любила его, считая самым лучшим, самым преданным, самым умным, самым... Она заботилась о нем, как могла, и чуть ли не сдувала с него пылинки. Абсолютно не ревновала. И Он платил ей полным доверием: никогда и ни в чем не перечил, не встревал по мелочам, всегда был аккуратен и пунктуален до невероятности. Она могла по нему проверять часы. Он помогал ей во всех домашних делах, давая вовремя дельные, проверенные жизненным опытом советы. А если он что-то обещал, то непременно выполнял.

У него был самый широкий круг знакомств. Он дружил со всеми знаменитыми людьми и никогда не пользовался их связями ни для себя, ни для нее в личных целях. Принципиальный и независимый? Да!

Они вместе и, замечу, с успехом изучили английский и испанский языки, планировали начать учить немецкий. (Она собиралась в служебную командировку, и язык был просто необходим.) Он неназойливо ей советовал, как лучше одеваться, сервировать стол в праздники, давал рекомендации, как говорить с подчиненными и как ладить с начальством.

Иногда, к сожалению, это случалось нечасто, он до упаду ее веселил. Она хохотала до слез — настолько он бывал ироничен, саркастичен, парадоксален и забавен. Бывало, что он говорил ей такие умные слова, что она не все сразу понимала, но он тут же ей сам все объяснял.

Он был обаятельным, нежным, преданным и талантливым. Как порой он пел! Она просто восторгалась им. И образованность? Ну просто энциклопедия. Она всегда удивлялась его информированности — многие новости он узнавал до того, как их публиковали утренние газеты. Он любил стихи и прозу, знал художников, разбирался в легкой и серьезной музыке, прекрасно ориентировался в политике.

Что и говорить, они легко понимали друг друга. За годы совместной жизни она убедилась в его правоте и никогда с ним не спорила, хотя иногда он слишком робко пытался вызвать ее на спор.

Да, многим она была обязана Ему. Он научил ее культуре, языкам, иронии, рисованию и вязанию.

Но однажды в ее день рождения, бывает же такое, она и сама не могла объяснить, почему поступила именно так (скорее всего это было подсознательно, чем сознательно), она решила его бросить. Она посмотрела на него и, почему-то с досады фыркнув... ушла из дома.

Хватит! Она решила окончательно выйти из его подчинения. В тот день, благо выпала суббота, она села в свои «Жигули» цвета «золотистая

охрана» и начала подвозить всех голосующих мужчин, не беря, конечно, с них денег. (Станный, согласитесь, способ отмечать день рождения, делая подарки другим, а может быть, и не такой уж плохой?!) Днем она зашла в кино, потом посидела в новом баре «Мечта», а вечером поехала на посиделки к подругам, где кокетничала с импозантным и, как показалось ей, не обремененным семьей преуспевающим инженером.

Возвращаясь поздним вечером домой, она поймала себя на мысли, из-за этого чуть не проехала на красный сигнал светофора, что, оказывается, легко может обходиться без Него.

Она вошла в свою уютную, улучшенной планировки квартиру, а Он стоял в коридоре и, как ей почудилось, смотрел на нее с немим укором. Он, поселившийся в ее квартире шесть лет назад, уже несколько составивший цветной телевизор с большим экраном. Она впервые не сдула с него пылинки. И тут зазвонил телефон... Но это уже другой рассказ.

ОБЫКНОВЕННАЯ ДВОРНЯГА

Обыкновенная дворняга. Ей, наверное, чуть больше месяца. А может быть, и того меньше. Маленькая, пушистая, с умными глазами и забавным хвостиком. Она сидела на руках мальчика. Хрупкого, бледного, умного и доброго мальчика.

— Возьми ее, она хорошая. Дрессировать можно, — сказал мальчик.

— Ну, зачем нам дворняга? — удивился другой мальчик. Они сидели в стандартной комнате, стандартно обставленной, и вели этот нестандартный, а может быть, и стандартный разговор.

Маленькая собачка, поджав хвостик, словно чувствуя, что решается ее судьба, с мольбой в глазах смотрела то на одного мальчика, то на другого.

Но судьба ее не решилась. И вспомнил мальчик, что одна девочка говорила ему: «Хочу собаку».

Пришел он к ней. Квартира прекрасная. Всюду книжные шкафы, на стенах картины, массивный письменный стол с пишущей машинкой. А девочка сидела на крутящемся стуле и рассматривала собачку.

— Я-то хочу, но мама не разрешит, да и гулять с ней некому. Мама на работе, папа вечно на заседаниях... А у меня, ты же знаешь, музыкальная, спортивная, художественная... Ты ее в институт медицинский отдай, там, говорят, принимают.

Ничего не ответил мальчик. Посмотрел выразительно на девочку, взял собачку на руки...

Целый день ходил мальчик с дворнягой. К приятелям заходил — все отказали. Решил квартиры обходить. В трех подъездах побывал, в каждую квартиру звонил.

Одни рассматривали дворнягу и умилялись. Другие сразу дверь хлопывали, а третьи и вовсе дверь не открывали. Из некоторых квартир в дверную щель просовывали морды здоровенные псы — бульдоги, овчарки, ризеншнауцеры, а были и маленькие... таксы, болонки, пудели. Но не дворняги.

И вернулся мальчик к себе домой. Держал собачку на руках и приговаривал:

— Может, мама нас и не выгонит?..

Кормил он ее молоком и как бы сам себя уговаривал:

— Мама же у нас добрая, ну, подумаешь, на одну дворнягу больше будет...

А около его ног ласкались еще четыре дворняги.

ЛЕВ И ДРЕССИРОВЩИК

Старый опытный дрессировщик отмечал свое шестидесятилетие. Много друзей собралось. Все приятные слова говорили. А многие даже искренне. Только директор цирка намекал, что неплохо бы и об отдыхе подумать.

А на следующий день, как обычно, старый опытный дрессировщик и старый опытный лев вышли на арену. Лев великолепно прыгал через горящее кольцо, уверенно ходил по канату чуть ли не под куполом цирка, по команде рычал и на задние лапы вставал, разрешал себя за хвост таскать...

Старый лев работал спокойно и уверенно — профессионально. За многие годы совместных выступлений лев хорошо изучил своего хозяина, понимал его с полувзгляда. Но сегодня он смотрел на дрессировщика и чувствовал, понимал, как трудно артисту работать. И жена молодая недавно ушла от него, и директор о пенсии намекал, и голова, наверное, после вчерашнего юбилея болит.

Лев послушно работал, но где-то, чем больше он смотрел на хозяина, становилось льву жаль дрессировщика. И когда артист начал показывать свой коронный трюк — вкладывание головы в пасть хищнику, лев подумал: «А может...»

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Раздался резкий телефонный звонок. Я проснулся. Посмотрел на часы. Два ночи!

Телефон звонил.

Ну и нахалы! Звонить людям в два ночи!

Телефон звонил.

Да что они, с ума сошли, что ли?

Я сорвал трубку и сказал им... Нет, не успел ничего сказать. Тот, кто звонил, уже повесил трубку.

Кто бы это мог быть? Мне никто никогда не звонил в два ночи.

Может, с работы? Вряд ли. Не такая у меня работа, чтобы будить ночью.

Родные? У них все в порядке. Я был там два дня назад.

Может быть, она? Нет. Не такие у нас с ней отношения, чтобы она звонила мне ночью.

Друг? Если бы... У меня все просто знакомые.

Наверное, ошибка. А если нет?! Ведь звонили, звонили же!

Я долго ворочался с боку на бок...

Так кто же все-таки звонил?

А вам может кто-нибудь позвонить в два ночи?

Я И МОЙ СЕКРЕТАРЬ

Когда в очередной раз я составил список неотложных дел, то окончательно понял — сделать ничего не успею. Столько я всего всем наобещал, что просто самому стыдно. У меня такой характер — я всем все обещаю и, что самое ужасное, кое-что делаю, а от этого просьб становится еще больше, и я опять никому не могу отказать.

На сегодня мне нужно срочно достать билеты в театр для друзей, устроить приятелю дефицитное лекарство, сфотографироваться на паспорт, сходить в школу к сыну, встретиться с тренером дочери, сдать белье в прачечную, вызвать мастера починить холодильник, взять часы из гарантийного ремонта, заплатить за квартиру, выкупить книги в магазине подписных изданий, вернуть прочитанные в библиотеку, забрать собственные книги, которые дал почитать друзьям, побывать на десяти заседаниях, получить пять справок... А еще сто звонков и встреч с разными людьми.

Словом, полный цейтнот. И вдруг мне мучительно захотелось поехать на аэровокзал, взять билет на первый попавшийся рейс и куда-нибудь улететь, исчезнуть, скрыться от знакомых, от друзей, от работы, от

семьи. Но я сразу понял, что этого никогда не сделаю. А одному со всей этой лавиной дел не справиться ни за что.

И тогда я решил взять себе секретаря. Пусть секретарь с металлом в голосе отвечает по телефону, что меня нет дома. Пусть секретарь записывает все дела и сортирует их на нужные и ненужные. Пусть секретарь освободит мне время для собственной работы.

Но где найдешь такого человека, где возьмешь такого преданного секретаря, делового, исполнительного, разбирающегося в твоих делах, знающего, что можно отложить на завтра, а что надо сделать немедленно, что кому и как надо ответить.

И я придумал: я стану секретарем сам у себя.

Утром в первый же день моего секретарствования раздался первый телефонный звонок. Я приложил носовой платок к трубке и сказал:

— Секретарь Владимира Сергеевича слушает.

— Секретарь?..

— Да, я его секретарь, я вас слушаю.

На том конце провода после долгой паузы сказали, что моего шефа, то есть меня, просят срочно устроить знакомому по прошлогоднему отдыху на Кавказе два места на самолет Москва — Адлер.

Секунду помедлив, я сказал:

— Конечно, я запишу вашу просьбу, но, к сожалению, вряд ли Владимир Сергеевич сможет ее выполнить, ибо он сейчас находится в командировке. Советую самому съездить в агентство Аэрофлота.

Потом раздался еще звонок. Я взял трубку, прикрыл микрофон носовым платком:

— Алло, добрый день. Я вас слушаю.

Спросили меня. Я сказал, что меня сейчас нет.

— А с кем я говорю? — поинтересовались на том конце провода.

— С его секретарем, — ответил я. — Чем могу быть полезен?

— Видите ли, — услышал я дрогнувший голос, — нужно бы достать путевку для одного товарища... (Я понял: один мой знакомый просил для своего знакомого путевку.)

— Понимаю, — ответил я, — к сожалению, Владимир Сергеевич будет только через несколько дней. Вам я бы посоветовал обратиться с соответствующим письмом к начальнику курортного управления ВЦСПС. Думаю, если путевка действительно необходима, вам помогут. — И я продиктовал адрес управления, телефон начальника, его имя и отчество.

В этот день меня просили познакомиться с хорошим мастером-краснодеревщиком, разыскать комплект журналов «Вокруг света» за 1970 год, устроить в ясли двухлетнюю девочку, просили продвинуть обмен квартиры, спрашивали, где можно приобрести сиамского кота.

Мой секретарь давал всем точные, исчерпывающие ответы (хорошо, у меня под руками были справочники с фамилиями, именами, телефонами многих городских организаций, куда, к кому и когда нужно обращаться).

Так продолжалось два дня. На третий день звонков стало в два раза меньше, потом в три, потом в пять, и мой секретарь, наконец, позволил мне заняться моими собственными делами.

За неделю я сделал столько, сколько до этого не делал за месяц.

Мой секретарь исправно отменял от меня ненужные собрания и совещания, он со знанием дела решал, за что я все-таки должен взяться и в какой срок выполнить. Мой секретарь с успехом заказывал для меня (а не для знакомых) билеты в театр, причем в театрах администраторы говорили с моим секретарем намного любезнее, чем со мной, и, как правило, просьбы секретаря, которые он передавал от моего имени, удовлетворяли...

Знакомые, коллеги при встречах со мной мило улыбались, здоровались, и все непременно отмечали деловитость, корректность, вежливость, знания и тонкость моего секретаря.

Мои дела пошли в гору. У меня появилось время для отдыха — лыжных прогулок, просмотров спектаклей и фильмов, часовых прогулок перед сном. Я стал намного больше читать.

Да, вся моя жизнь изменилась с тех пор, как я завел себе секретаря. Одно меня беспокоит. Мои друзья, разговаривая с моим секретарем по телефону, начинали уже переманивать его к себе, предлагая удивительно выгодные условия: четырехчасовой рабочий день, солидную зарплату, двухмесячный отпуск и другие льготы — условия настолько выгодные, что я начал подумывать, а не пойти ли мне действительно к кому-нибудь в секретари?

А может быть, мне уйти от себя?

КАК ПРЕУСПЕТЬ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

ИРОНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Совет первый

Вас не публикуют. Не хотят, и все тут. Причина проста — вы плохо пишете. Мысли, может быть, у вас и есть — у каждого человека есть мысли, но вот беда: на бумаге все выглядит коряво. Изю всех изданий вам возвращают рукописи.

Даю рецепт, как этого избежать.

Итак, вы приносите рукопись в редакцию и сами — я это подчеркиваю — сами заявляете, что вам многое не удалось и поэтому вы просите, в порядке личного одолжения, не публиковать, а лишь посмотреть, оценить и, самое главное, отметить недостатки. (Прежде чем отдавать рукопись, узнайте, кто слывет хорошим редактором — к нему и обращайтесь.)

Получаете согласие. Приходите через неделю и забираете рукопись, испещренную замечаниями, пометками, исправлениями.

Вернувшись домой, принимайтесь за работу. Постарайтесь выполнить все рекомендации.

Снова приносите рукопись. Вручая ее редактору, не забудьте сказать, что все его замечания вы старались учесть, поправки внести, но вам опять просто хочется получить оценку своего труда.

Вам вновь возвратят ваши странички, и снова с поправками. Радуйтесь: статья окажется практически готовой. За вас все в общем-то сделали. Ваше дело — ее аккуратно перепечатать. И теперь статью можно и нужно относить... в другую редакцию.

Там прочтут, чуть-чуть, возможно, что-то поправят и опубликуют (кто откажется от хорошего материала?). И тут же — гарантирую — попросят сделать что-нибудь еще. Всем приятно иметь дело с людьми, которых почти не нужно править.

Ваша задача узнать, кто и в этой редакции лучше всего работает с авторами (читайте начало моих советов), и вновь с готовой рукописью отправляйтесь... теперь уже в первую редакцию.

Там прочтут. Чуть-чуть удивятся, возможно, что-то и поправят и, конечно, опубликуют. И — гарантирую! — закажут новый материал.

Надеюсь, рецепт понятен.

Таким образом вы создадите себе особую репутацию.

— Автор, конечно, странный, — будут говорить о вас коллеги, — раз на раз у него не приходится: один материал не получается, второй — получается, третий — не получается... Неровно работает человек, но в принципе неплохо.

Главное в этом деле — соблюдать чувство меры: список редакций — не больше десяти.

Так пройдет год, два, а может быть, и все три. Самое удивительное (не верите? проверьте на себе): вы научитесь писать. А потом к вам придет начинающий автор. Мысли у него будут, но писать он, к сожалению, еще не научился. Все на бумаге у него коряво получается. Обратится он к вам с просьбой: только посмотреть, посоветовать, сделать пометки.

Долги надо отдавать.

Совет второй

Он проще первого.

Итак, вас не печатают, а публиковаться вы хотите.

Займитесь основательным знакомством с коллективом редакции, с которой вы хотите сотрудничать. Особенно с влиятельными людьми этой редакции. Мимоходом займите у влиятельного лица (лучше всего — у ответственного секретаря) рубль до завтра. И завтра же — обязательно! — отдайте. Получая мятый рубль, возвращайте новенький, хрустящий.

Через неделю попросите на три дня пятерку. Ровно через три дня отдайте.

Если будете брать у Нее — приложите к возвращаемой пятерке маленький букетик цветов или плиточку шоколада, а если у Него — сигареты или пустячный сувенир.

Через две недели занимайте сумму побольше. Ровно на две недели...

Программа рассчитана на три-четыре месяца. Доводите сумму до ста рублей. А вот сто рублей, даже если у вас будут деньги, не отдавайте. Тяните с отдачей долга.

Вам будут делать намеки — мол, пора бы, а то как-то неудобно. А вы в ответ — с огорченным лицом, с печальной интонацией в голосе: нет, мол, денег, и все тут, просто беда. Намерком дайте понять: пусть вам статью закажут, ибо как только за нее гонорар получите, так и долг возвратите.

Гарантирую — получите заказ.

Статью доведут, как говорят, до ума, опубликуют и оплатят по высшей ставке.

Немедленно отдавайте долг, а в придачу тысячу слов благодарности и признательности.

Обойдите десять — пятнадцать редакций. Занимайте деньги у активных пишущих сотрудников, интересно выступающих по интересующей вас теме, и у ответственных секретарей. Вы начнете получать приличные гонорары. В вашей квартире все время будет звонить телефон, вы станете любимым и уважаемым автором.

Не исключаю, в долг попросят у вас. Как поступить?

Это уже дело вашей совести.

Совет третий

Мечтаете о славе журналиста, а писать не умеете. Начинайте с расширенных интервью, бесед.

Выбирайте людей умных, талантливых, добросовестных, пунктуальных, добрых по характеру. Выбрав жертву (учитель, спортсмен, артист, писатель, ученый), постарайтесь все о ней узнать. Затем обойдите круг своих друзей и знакомых. Всем рассказывайте, с кем встречаетесь в ближайшее время, как бы советуясь, какие бы вопросы задать. Предложения записывайте. Затем обращайтесь к знакомому журналисту с просьбой помочь отобрать лучшие вопросы.

После этого можете идти на беседу. Ваше дело — все честно записать, а затем лучше всего обратиться на курсы, готовящие машинисток: пусть в порядке учебы разбирают ваши каракули, пусть для практики перепечатают в десяти — пятидесяти экземплярах то, что вы (!) создали.

Их учебные работы опять же раздайте знакомым, попросив прочесть и высказать замечания. Лучше всего делайте это под предлогом со-

циологических исследований. Скажем, сообщите, что работаете над диссертацией «Изучение визуального восприятия публицистического текста в условиях массового развития СМИП (системы массовой информации и пропаганды) при субъективно-объективном анализе текста, полученного на ранней стадии его создания». К людям науки многие относятся хорошо. Вам помогут: сократят, скажут, что получилось, что не получилось.

Проанализируйте, исправьте, перепечатайте и несите к тому, с кем беседовали. При встрече подчеркните важность публикации, посоветуйте подключить к работе помощников этого человека, и в результате... вы получите исправленный, проверенный, откорректированный, отредактированный, отлично перепечатанный текст, словом, рукопись, готовую к публикации (вы же выбрали людей умных, талантливых, добросовестных, пунктуальных и обязательных, дорожащих своим именем).

Завизированную рукопись отнесите в редакцию. Ждите публикации.

Эту работу тоже можно поставить на конвейер. Знайте: имена ваших собеседников будут подчеркивать и ваш авторитет. Через год у вас появится возможность издать сборник ваших бесед.

Ваше творчество начнут изучать в университетах, оно станет темой дипломных сочинений. Кто знает, может быть, вы поможете рождению кандидатов и докторов наук.

Выполняя этот совет, вы немало приобретете. Согласитесь, если пять-шесть лет беседовать с умными, талантливыми, добросовестными, обязательными людьми, интеллигентными и благородными, должны уж вы и сами чему-нибудь научиться?

Совет четвертый

Ищите машинистку.

Давайте объявления, читайте объявления. Безграмотным — отказывайте. Кто знает, может быть, вам повезет, счастливый случай всегда приходит к тем, кто его достоин, и вы найдете отличную машинистку.

Удача обеспечена, если это будет дама лет 40—50 с высшим образованием, мягким характером, много читающая, скромная и застенчивая, без семьи, но со знанием двух-трех языков.

Конечно, такая машинистка начнет оценивать все созданное вами. Не пугайтесь этого! Не сопротивляйтесь! Выслушивайте замечания и как бы невзначай высказанные реплики, обязательно все учитывайте. Если машинистка без вашего согласия что-то исправит, вставит свои слова, не напечатает лишней фразы, сделайте вид, что этого не заметили. Если машинистка будет все это делать элегантно, спокойно, незаметно, то в результате вы станете получать текст, в котором каждую фразу читать захочется.

Вы диктуете ей пять-шесть фраз: в них вроде и смысла нет, но к этому она свою коротенькую фразу добавит — смысл и появится, так стоит ли сопротивляться?

Жить с машинисткой необходимо душа в душу, но никакого романа и даже намека на него!

Когда гонорары ваши вырастут, вы ставку машинистке увеличьте.

Если она далеко от вашего дома живет — помогите обменяться, что-бы на дорогу время не тратила.

Если вы обретете профессионализм в диктовке, то покупайте диктофон и диктуйте на него свои статьи, эссе, беседы и интервью, рассказывайте о том, что вас волнует и беспокоит, что вы увидели за день, что вам понравилось и что нет. Машинистка ваша сумеет из этого сделать статью, реплику, эссе, фельетоны, рассказы.

У вас стандартное начало, банальная середина, растянутый конец. А вечером, после перепечатки, окажется: текст готов, но... начало оригинальное, середина доказательна, конец неожиданный.

Вы материал в руки, в собственную машину (при такой работе не разбогатеть нельзя!) — и в редакцию.

Отличный способ преуспеть в журналистике.

Что вам грозит?

Грозит, что рано или поздно, через год-другой, вы можете прочесть такую записку: «Уважаемый Н. Н.! Это мой последний материал, который я сделала для вас. Я признательна вам за все уроки, которые получила. Вас печатали, публиковали... Всю жизнь я испытывала неуверенность в своих силах. Всю жизнь... Теперь вы дали мне эту уверенность. Спасибо!»

Я с благодарностью оставляю вам сигнальный экземпляр своего первого сборника. Прочитайте мои эссе, рассказы, мои записки машинистки. Это все я написала благодаря вашей помощи и учебе. Спасибо!»

Р. S. Если вы думаете, что эти советы написал я, — вы ошибаетесь: их написала она.

ПОЛЧАСА ЖИЗНИ

Темно! Противно! Страшно! Просто отвратительно!!! Я хожу из угла в угол — четыре шага по диагонали — и предчувствую свой конец. Душно. Чувствую, как сердце бьется все чаще и чаще, а воздуха становится все меньше и меньше.

Взываю о помощи. Мне уже все равно, пусть делают со мной, что хотят, лишь бы кто-нибудь подошел ко мне. Я кричу, колошматю изо всех сил по двери. Все бесполезно. Нервы, чувствую, вот-вот сдадут, и я разревусь, как мальчишка.

Мучительно тянется время. Сколько я здесь? Трудно понять. Вспоминаю своих близких друзей, жену, детей, мать. Сколько хорошего я мог бы им всем сделать. Если бы они знали, как мне трудно!

Пустота. Я снова кричу, стучу — зываю о помощи.

Яростный лай собаки заставил меня притихнуть.

— Рекс, молчать! Ко мне! — услышал я команду. Рекс недовольно тявкнул и отошел от моей двери.

Наконец я услышал шаги. Это за мной. Точно. Подковки на их сапогах процокали по каменным плитам. Двое угрюмых парней открыли дверь, и меня выпустили.

Обессиленный, издерганный, я вышел во дворик. Где-то чирикали воробьи. Я посмотрел на небо. Голубые облака (голубой цвет — мой любимый), деревья, солнце.

Как прекрасна и удивительна жизнь, подумал я, как мы ее не ценим. Как счастливы люди, которые всегда видят эти облака, деревья, солнце. Как приятно и радостно жить. Просто так ходить по земле и наслаждаться жизнью. И неужели для того, чтобы понять это, нужно провести полчаса своей жизни в только что отстроенном здании в застрявшем комфортабельном лифте?!

СОДЕРЖАНИЕ

В поисках радости	3
Леонид Енгибаров	14
«Мне интересны все люди»	27
Завтра	30
Страшная-я-я!	31
Галоши	33
Зубная щетка	34
Черная «Волга»	35
Измена	36
Обыкновенная дворняга	38
Лев и дрессировщик	39
Телефонный звонок	40
Я и мой секретарь	40
Как преуспеть в журналистике	42
Полчаса жизни	46

ШАХИДЖАНИЯ Владимир Владимирович

МНЕ ИНТЕРЕСНЫ ВСЕ ЛЮДИ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 29.08.89. Подписано к печати 24.10.89. А 00390. Формат
70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,17. Тираж 150 000 экз.
Зак. № 1183. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● С каждым человеком могут произойти различные неблагоприятные события, связанные с его жизнью или здоровьем.

● Воспользуйтесь услугами Госстраха, заключите договор смешанного страхования жизни, и Вы обеспечите себе надежную финансовую защиту.

● Оформляя договор, Вы можете предусмотреть возможность получения удвоенной или утроенной страховой суммы, что позволит в большей степени возместить расходы, связанные с лечением и восстановлением здоровья.

● Договор страхования жизни можно заключить, если Вам уже 16, но еще не 75.

● По окончании срока страхования (5, 10, 15 или 20 лет — по Вашему желанию) выплачивается страховая сумма, предусмотренная в договоре, независимо от выплат, связанных с рисковыми событиями.

● Подробную информацию о проведении страхования жизни Вы можете получить в инспекции Госстраха или у страхового агента, обслуживающего Вас по месту работы.

ГОССТРАХ РСФСР